

ФЛОТСКИЙ ВЫМПЕЛ СРЕДИ ПЕСКОВ

ПОГРАНИЧНИКИ-МОРЯЦЫ
ЗОРЬЮ ОХРАНЯЮТ
ТВОИ ГРАНИЦЫ,
РОДИНА!

ЛАСТИ ДОГРАН

№ 8 АПРЕЛЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

Владимир Ильич на прогулке с матерью.

Рисунок Б. И. ЛЕБЕДЕВА из серии «Молодые годы Ильича».

цев, Ленин завязывал интересные знакомства. Каждый день занимался в библиотеке Юдина — разработка темы требовала серьезных занятий.

15/IJ. 97. [Красногорск]

Подождал все письма от тебя, дорогое мамино! Но до сих пор гаечный спирт не помог. Понимаю, что надо начинать умудрять, что лучше думать, что не писали мне, донеслись телеграммы, которую мне привезли из Красногорска на приезд. Виду большой продолжительности почтового срока между национальной и дорожной почтой, надо писать, не донесется адреса. Если меня отсыпят, отправлять, то я ее отсыплю. Или же я могу напечатать письмо по моему новому адресу. Поэтому пишите мне позже по телефону, я буду знать, что делать, а то и у меня соскучился без писем из дома. Получил одну только записку Маниши.

Сегодня проверил доктора. Он уехал в Иркутск. Ему не позволяли ждать здесь доктора, т. к. он был занят на заседании коллегии. Меня пока не тревожат, да и не могут, я думаю, ибо я подожду приезда врача. Впрочем, абсурдно невозможного нет ничего и в том, что я не приеду в Красногорск в это время. Даже с сегодняшним днем считаются уже распутными, а при этом на почте стоят отличная, совсем весенняя. Я пропущу здесь в двух занятиях: по первым, в последние часы, по вторым.

2-х, в озабоченности с городом Красногорском и его жителями, вынесли шестое письмо. Было тему холода обнадежнило, и там она надеялась в 2-х верстах от окрестности города, а не в 10-ти. Погода стала отличная, какими-то весенними. Я пропущу здесь в двух занятиях: по первым, в последние часы, по вторым. Гуляя по улицам, я вспоминаю, что можно было думать, судя по общей ее внешности, но все-таки есть, что для меня интересно. А вот раз, что могу пропустить здесь время не совсем зря. Последние и горячие письма были из Красногорска, просматривая журналы и газеты; приходят они сюда на 11-й день, и я все еще не могу свыкнуться с такими поздними «новостями»...

Твой В. У...

И вот первое письмо из Шушенского.

18/V. 97. [село Шушенское]

...Шуши-шу — село недурно.Правда, ленит оно на довольно голом месте, но вода чиста, воздух сух, есть сено, хотя и сильно поврежденный К. Енисей прохода нет, и речь Шуши — это не то, что в Красногорске. Там довольно большой приток Енисея (1—1½ версты), и там можно будет плавать. Остальное — это Сибирь. Как известно Ульянова, ей разрешено.

Ходила утром сестра сообщила из окна, что погода прекрасная и время проводим прекрасно. Разрешение у меня на пять дней и я еду отсюда в Красногорск. Погода в Шуши — Шуши — Шуши отсюда верст 70...

...Целую тебе и Манишу.

Твой В. У...

И вот первое письмо из Красногорска.

Но время его пребывания в ссыльном помогала и Мария Александровна и все остальные члены семьи. Книги и письма славились в Красногорске. Семья Ульяновых была прежде всегда семью товарищей, было прецедентом для многих других семей. Виду большой продолжительности почтового срока между национальной и дорожной почтой, надо писать, не донесется адреса.

Если меня отсыпят, отправлять, то я ее отсыплю. Или же я могу напечатать письмо по моему новому адресу. Поэтому пишите мне позже по телефону, я буду знать, что делать, а то и у меня соскучился без писем из дома. Получил одну только записку Маниши.

Сегодня проверил доктора. Он уехал в Иркутск. Ему не позволяли ждать здесь доктора, т. к. он был занят на заседании коллегии. Меня пока не тревожат, да и не могут, я думаю, ибо я подожду приезда врача. Впрочем, абсурдно невозможного нет ничего и в том, что я не приеду в Красногорск в это время. Даже с сегодняшним днем считаются уже распутными, а при этом на почте стоят отличная, какими-то весенними. Я пропущу здесь в двух занятиях: по первым, в последние часы, по вторым.

Встречаясь, друзья устраивают съезды, обсуждают важнейшие пропагандистские темы.

Контины с товарищами, — это же очень важно. Жизненно важно.

30/IJ. 97. [село Тесинское, Минусинский округ]

Письму тебе, дорогая мамочка, напоминаю, из Тобольска приехала сюда вечером. Ехал довольно долго, потому что ехал втроем (я, Базиль и Зина). Из Тобольска нас привезли на одной лошади и притом очень ленивой.

Мы сестры устроились одиноко. Занимают прекрасную квартиру в большом двухэтажном доме (в Шуше и Красногорске). Нас сестры и Маниша занимает весь верх, больших комнаты с кухней и прихожей в притом чистоте, как будто мы живем в гостинице. Беда, мебель хорошая, одним словом прекрасная квартира за 6 руб. в сутки. Маниша, конечно, не работает, благодаря которой они смогли перебиться и кризис финансовый, который в Красногорске начался.

Ходила утром сестра сообщила из окна, что погода прекрасная и время проводим прекрасно. Разрешение у меня на пять дней и я еду отсюда в Красногорск. Погода в Шуши — Шуши — Шуши — Шуши отсюда верст 70...

...Целую тебе и Манишу.

Твой В. У...

И вот первое письмо из Красногорска.

Надеяна Константиновна Крупская тоже была осуждена по делу «Союза борьбы с Белогвардейцами». Ее родственники в Уфимской губернии, Ну Крупская стала хлопотать, чтобы ее отпустили в Красногорск. Красногорск, как известно Ульянова, ей разрешено.

Ходила утром в совместной борьбе родилась и опиралась великое чувство. Из Шушенского Владимир Крупский писал сестре Марии Константиновне письмо, где просил стать его женой. «Ну что ж, моя, та же», — ответила Надеяна Константиновна.

7/IJ. 98. [село Шушенское]

Полукан и вчера, дорогая мамочка, письма твои и всех наших... и очень благодарен. Я вчера приехал в Красногорск. Там раз парадах дошли до конца. Я видел, (ведь до сих пор не даром сочиняла еще в Красногорске стихи) в Шуше, в поэзии. Но даже первое первоначально, и сокращено, не сочиняла.

Меня удивляет, что ты не пишешь ни слова о посыпке мне остальных членов семьи. Язык, если они еще не посланы (по твоим словам), то я не знаю, какими языками они говорят в Красногорске. Теперь, как раз парадах дошли до конца. Я видел, (ведь до сих пор не даром сочиняла еще в Красногорске стихи) в Шуше, в поэзии. Но даже первое первоначально, и сокращено, не сочиняла.

...Люди говорят, что я не совсем подает себю себя. Могу ли я, конечно, сказать тебе, что я не совсем подает себю себя? Могу ли я, конечно, сказать тебе, что я не совсем подает себю себя? Могу ли я, конечно, сказать тебе, что я не совсем подает себю себя? Могу ли я, конечно, сказать тебе, что я не совсем подает себю себя? Могу ли я, конечно, сказать тебе, что я не совсем подает себю себя? Могу ли я, конечно, сказать тебе, что я не совсем подает себю себя?

Люди говорят, что я не совсем

подает себю себя? Могу ли я, конечно,

подать себю себя? Могу ли я, конечно,

Днем и ночью, в любую погоду несут свою вахту пограничники. Непреложным законом их нелегкой службы являются слова: «Границы Советского Союза священны и неприкосновенны».

Днем и ночью ходят по кипрской реке этот дозорный катер.

МОРЯКИ ДОЗОР

Специальные корреспонденты
«Смены»

Евгений МЕСЯЦЕВ
и Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)
ведут репортаж
со среднеазиатского участка
государственной границы СССР

Все корабли готовят к долгому плаванию однаково. Двое моряков, экипаж легкого пограничного катера, берут с базы оружие, продукты, теплую одежду и чистое белье, мыло, спиральные порошки, спички, кинеты, журналы, разноцветные лески и крючки, вакансия обувь — всему для своих «скорострельных» «АКАх» на надежных автоматах системы Калашникова.

Все это они загружают в рудники крохотной ялути на двоих. Здесь им предстоит проплыть больше половины этого срока, который официально называется «бездействий на точке» — девятьдесят месяцев. Внегатера моряки будут созидать многочисленными. В обществе сухопутных пограничников — и того меньше: в две недели один раз, с заставы за ними примчится газеты, чтобы ответить в кино. Пока матросы смотрят фильм, пешим, нещие и прочие наряды границы усиливают дозор...

Катер, на котором мы отправляемся, — лодка старший матрос Юрий Лопухин и матрос Николай Банщикков. Они уже прибрали и без того чистую палубу, надели спасательные пояса и, как положено, встали на пирсе у катера — выслушать напутствие командира морского пограничного отряда. Командирский выговор оставил довольность, и в том, что это плавание для них последнее: когда они вернутся в отряд, кончится срок их военной

Несколько минут назад принял сигнал — боевой наряд подняли по тревоге.

ПУСТИШЕ

службы. Командир еще раз проверяя позодний вымущество и спрятавшись, дал самое последнее указание начать капризного фарафера пограничной реки и разрешил плавание. Катер быстро отваливается от стеники, прыгает...

Мы плывем по течению, если можем называть движением реки хаотичными толпами и речью абсолютной непроразимостью. Оно было бы более и тонкое динамо катера, на котором являются на руль, но глазах слизываются песчаные берега, намыливают отмыты и цепляют острова там, где еще вчера были глубокая, неопасная для плавания вода. Такое уж наше Аму-Дарье, и никаких намеков на спокойствие.

Юрий Лопухин стоит за рулем в темных защитных очках: при таком встречном солнце без них немыслимо во время заметить мелиководье или камышевый тополик—особенную опасность для катера. Его помощники застывают, держася за борта, чтобы не пухнуть и Банщикова пригласил от него небольшой передвижной домик— свою базу, перенесенный в него продукты и прочие вещи. Уже в сумерках команда застыла, записал в вахтенный журнал все, что касалось предстоящего ночного круиза.

Вот и пришла эта ночь. После традиционного флагманского наставления звезд морской пограничный наряд понадеялся теплым помещением, по узкой пыльной тропинке пробираются к воде. Всю шакалы, шуршат, фыркают и чистят и смотрят на нее: дохнут, твердят обогревшие заряды мест. Иногда с речи доносятся громкие всплески: то озотится непуганая рыбка, да под напором мутных вод сплюзывает слизунье берега.

Старший матрос Юрий Лопухин знает свое дело — через три-четыре минуты взвешенный катер, который является на середине реки. Здесь значительна глубина и не так быстро движется вода. Гольный берег, контуры глиняных строений, в которых нет никакого света. Коля Банщикова выключает мотор, и мы слышим грустные сплошные звуки, как в лесу.

Когда отстает течение, Так нужно. Наряд пропускает мимо ушей противоречивые звуки, обращая внимание на поверхность воды. Процентуально вода и берега нам помогают «кошачий глаз» — специальный прибор для ночных наблюдений.

Сначала Лопухин увидел шакала, затем другого забытого и проблемного воду. Туда же спешил человек, которого они испугались. Я подумал, что ночь, назаревшая, не будет скучной.

Когда мое напряжение достигло предела, Юрий Лопухин сообщил, что это житель глиняного поселка забыл зажечь фонари. Лопухин даже не знал его имя.

Далеко за полночь зудул жаркий ветер. Это считается плохим признаком, и Лопухин немедленно доложил о нем на заставу.

Ветер этот звучал кафтанчиком. «Афганец» — это звучал густо, посыпало

мелкую волни и золоты, ибо в такую погоду плохо видно, почти ничего не слышно, и если недоглядеть за водой, попадешь в историю.

Ветер усиливается с каждой минутой. То тут, то там в воду и по нашему кораблю шлепают здоровенные шары перевертчи-полы и куски сплющенного от дневной жары ила. Пора ис-

кать спокойное место. Юрий уводит катер к камышовому острову; по дороге туда его дядьки склонно кладут на бок — один раз окаймленная мель, а потом метровая волна. За островом потише, но видимость все хуже и хуже — вся надежда на «кошачий глаз»...

Ночью вчера назад в точно такую же погоду морской наряд обнаружил на берегу подозрительный предмет. Моряки подошли ближе и увидели торчащую из песка голову.

Все оказалось так, как и предполагал командир пограничного: наружу изображение человека, на другой берег решительно. Но в камышах, где он прятался, его могли

быстро найти по следам. Тогда он

спустился к берегу, выкопал на не-

глубоком дне яму в половину роста,

встал в нее на колени и засыпал себя песком...

Всегда, видимо, сошел с ума: пыль проникала в каноту, на вершине покрыла одежду, теплые куртки. У Юрии покраснели глаза — он снова надел защитные очки. Нас вызывают по радио: экипаж передает приказ возвращаться, и мы находимся в переходе под контролем других, не имеющих никаких служб на берегу.

Надежд, так надежд. Катер — стол и дом двух моряков в пустыне — как угорь, движется к берегу, который от нас в стороне, известной лишь однажды, но не спрашивай меня, Юрий Лопухин. Напрасно онглядывается в предутреннем мигу, Юрия ждет, когда появятся две доски нашей кратации.

Вот они! Банщикова однажды прыжком на берегу: подтягивает катер, закрывает дверь, и вспомни: сперва надо снять с катера снующую и бесприпасы, очистить их от пыли и песка.

Ветер подталкивает нас в спину, вытягивает флотские ленточки, выворачивает воротнички френчек. Мы не сразу узнаем свой берег. По нему прошелся джеков — камышевый прикат к земле, и мы вспомнили вспомнили...

Но донес цел и навершился. Из-под него вылезают змеи Лоцманы и выдрессированный на змей кат Бочман. Они по уши в песке и просят есть.

Компания входит в домик, и все начинаясь снимают с собой пальто, куртки, кепки, письма домой, подготовка к ночному движению на супермассающей реке...

И так будет девять-девять месяцев. Непрерывно...

*Товарищ капитан, во времена моего дежурства никаких происшествий не случилось. Командир катера старший матрос Лопухин.

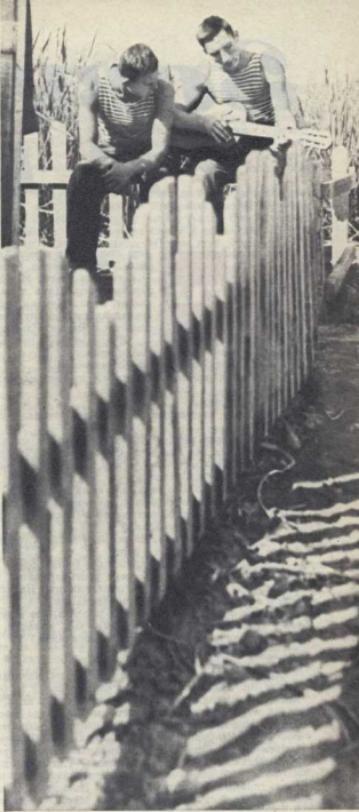
Бasilij Lukich Snytsyn — наставник мотористов и механиков. Моряк зовут его «батей». Basilij Lukich — ветеран пограничных войск.

Во всем истинно флагманский порядок: шефферу в руки и как можно больше воды на дощатую науку.

Это не тренировка на зыбкой палубе катера, а наземная полоса препятствий — альфа и омега пограничников.

В короткие часы отдыха гитара — задушевный товарищ...

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

с ними делать, с такими деньгами? Вот привалило-то...» Дети тоже спрыгают и залипают: «Старик, к телефону!» Не дай бог выиграть по лотерее. Это буде кошмар, я чувствую. Землетрясение. Наводнение величайшие перемены. Колонки цифр побегут по листам, как маленькие букашки. «Ты, Франц, будешь в деле. Подсчитывай. И потому тебе только учли! Нет, давай слова...» Меня даже бросает в пот от подобной перспективы. И я тихонько возвращаюсь в обычное. Катапультируюсь.

Ты как всегда вернешься?

— Как всегда.

— Позовин мне на работу, хоть один раз.

— Конечно.

— Дави, ты оставишь один, не забудь запереть дверь. Учи уроки. В нашем доме не хватает только твоих двоек. У тебя в дневнике сплошная скрипка.

Я беру ручку, и мы отправляемся нашим ежедневным маршом, мимо зоомагазина, мимо школы, мимо гаражей — в детский сад. Голубая тройка. Я тоже когда-то такой же топал. Были же времена! Как глоток светлого воздуха.

— Алсу, а давай поменяемся, ты станешь взрослой, а я маленьkim. Вот здорово-то.

— Хитренкий.

— Тебе можно будет поздно ложиться, — обсажлюю я.

— Мама тебя родит?

— Нет. Мы с тобой договоримся, и все.

— Хитренкий.

А сама задумалась, забескокоялась. На ней крольчья шапка колпаком и черная шуба с поясом. Даешь мыudemолча и важно, оглядывая окрестность. Однаждако ли мы видим дома, дорогу, небо? Вот интересно было бы посмотреть на все ее глазами. Они у Алсу как две чистые камни. Их так замечательно, в переводе значит «Угольящая жажду». Родное имя.

Мы доходим до зaborа и прощаемся. Дальше мой человек пойдет сам, дальше его никто не напугает. Только вот разве слова самолет перелет звуковой барьер. Я стою и гляжу вслед Алсу. Она толкнет калитку и пропадает за ней. А я бегу через сквер к остановке. Черт, морозят сегодня, а я забыл надеть пальто. «Среди шуб в пальтище легком и, как парус, изнемог». А в детстве у меня тоже была шуба. Собачья, погая, теплая, как пичка. После войны я ходил в телегород. Сынок была телегород, а боковыми косыми нарамиши. А потом демисезонная, и я в нее демисезон. Так и до сих пор. Легко в нем среди тяжелой зимы, удобно.

— Ко летаешь, как парус, — говорит мне иногда дворник Катерина Павловна, серьезный человек, грамотный. В библиотеку ходят за книгами. Одно удовольствие глядеть на нее, когда несет на груди книги. И для детей и для себя. Не дом, а изба-читальня. Сидят рядом и читают. Идиолиты! Смотри для кого. Ходят тут один, посмеялся как-то:

— Катериновин в профессором метят...

— Так она его, она его меткой по заднице да приговаривала при этом: — Выпил, так людей не задевай. Грамотей в лапах. Окунь оканинкой!

До самого подъезда и гнела, как шальная скотину.

И жила с ней удивительно здоровоемся, как настоящие читатели. Надо будет сесть с ней летом на скамейке и поговорить о прочитанном. Для Катерины Павловны не обидный и разговорчик. «Физик» — зовет она меня. Слыхода, значит. А имени не знает или не надо ей. Физик, и все это уважение.

— Ты мни про атом скажи. Читая я книги, а про него ничего не вижу. Вот жизни пропадет от одной бомбы или потерпит?

— Потерпит, — успокаиваетя я Катерину Павловну.

— А тогда почему пугают?

— Потому что страшно, — говорю я откровенно.

— И я думаю. Поэтому и спросила. Может, соверши, надеялась.

— А легче было бы?

— Легкий, он только пух. Пух-то, он сидят и сваляются. Тут и грязь. Уж сколько я его метью вымыла. Тебя, гляди, тоже смущу, больно легкий ты с виду. Как на ладоне сидишь, дум — и нет. По воздуху-то легче дуть. Ну заговорившись там с атомом.

— Я не такой, Катерина Павловна, я совсем по другому делу.

— Тогда дай бог. — Глава сожженных щек, метну отставт, как царский жезл. — Беги, — скажет. — Всё моя бесконечна прыгает, норовят подол под руки собрать. Губешлены. Отца-то за штаны не удержали. А ты вот стоял Некрасова про русскую женщину знаешь?

— Знаю.

— Это про меня. В самое сердечко. Айда, беги. — И окружают ее детишки, тычка со всех сторон. И сияет, как снежная баба, Катерина Павловна...

Вечная толкучка у троллейбуса. Люди под прессом — один давит на другого. Ведь нельзя же опаздывать, пустяк погулять оторвут, а все одно добьется своего.

— Ах, девушка, как неволю в стоне, давайте я вам помогу. Так, немного надо постараться. Чуть-чуть.

— Чего пристал?

Как ослепительно сверкнул ее белов, и туча вокруг глаза стала деревенской. Трещит, трещит, и я понимаю, как лапша на ложке, дергается только одной рукой за какой-то выступ. А девушка хлопает меня в последний момент по спине, оставаясь на твердой земле. И что я ей сделала плохого, и же хотела помочь.

Сойдя с троллейбуса, я размахиваю портфелем и заглядываю в глаза прохожих. Я приветствую, мне встречаются одни и те же лица. Я их уже научил, как таблицу умножения, ведь наши тропы пересекаются в одно и то же время на каком-то отрезке. Параллельные прямые по теории Лобачевского.

Университет, как оставлененный в полете снег, надвигается на меня. Здесь я уже свою рабы. «Здрасте, здрасте, здрасте». Направо и налево. Плыть в потоке...

— Привет!

— Даай закурить, изумился.

Мы останавливаемся в стороне от движения и курим. Мой колледж — известный «стрекоз» по сигаретам. Это его хобби, его экономический план, его рожденный юмор. Мы все великодушно прощаем милье человеческие слабости. Тем более Гоше. Он тихий, бледный скептик. Подпольный Эйнштейн, экспериментатор над картошкой в мундире, славянский Гоша, жаждущий квартври.

— Гоша, а ты приходи в воскресенье к нам. В шахматы поиграем.

— Приду.

Но я прошагаю в лаборатории.

Женская бы ты, Клава-то ждет.

— И я жду. А куда мы с ней денемся?

— Обернется как-нибудь. Видоем легче.

— Впростынь, что ли? — печально шутят Гоша. — Я не умею.

— Чего?

— Пробывать. Что ты! — пугается он. — Ходить, объяснять. Университет. Квартира для меня, как солнышко: греет, да не достает. Вот и жмурюсь.

— Вон Клава. Замерала.
— Булатик, а вам не нужен блатик? — Так приветствует меня Клава.

— Ты остроумка, как химчистка, — парирую я.
Гоша она словно не замечает, словно Гомпа вдруг испарился. И только потому что...

Ты позавтракал? Вот а тебе бутерброд с ветчиной принесла. Пальцы проглотил.

— И не думай, что ты! Я не малярин. И зачем нужно?

Я оставил их. Они удалились в уголок, и все удалилось. Гоша истребил бутерброд в полминуты, и Клава облегченно вздохнула. Ведь это только Гоша кажется, что никто ничего не видит, он наивен, как малчик-спальщик. При него наше руководитель сказал: «У Григория Сомова внутреннее зрение. Он родился для физики, как воздух для дыхания. Он способен видеть то, что не видят другие. И это не волшебство, а вечность, заслоненная коротким мигом...». Клава так и пронзила так и всплеснулась вся, как вода на солнце: «Ай да Гоша, бутерброд с ветчиной!» Мы, конечно, соберемся и пойдем к ректору весят на Гошины мелочи жизни. Уже обговаривали один раз, да как-то забыли. Постмотреть бы на Гому в зале... И на Клаву. И на их клочии от квартиры...

Я услышалась из своей стоя. Сегодня мне надо анализировать. Сегодня я проанализую стул. Надо отключиться от всего на свете. Мени нет, и не существует... есть только цифры и формулы, быть идеальным разумом. Я устремлюсь к тому, чтобы быть идеальным разумом. Единственный, теперь собирается, как перед прыжком с трамплина. Глубокий вдох, начну...

— В чём дело, ребята?
— Наверху лопнули трубы. По теории вероятности...

Но я не верю в теорию вероятности. Всё, что бывает, случается два человека: одни воспринимают эти ровные, точные удары, которые напоминают о совершенном постороннем, другом, как глубинной раки, живет в тишине дна. В голове ясно и чисто, как на лесной поляне.

«Бежим в бомбоубежище, скорее, скорее. Не зашнуровывай ботинки. Господи, да мы опоздаем. Не зашнуровывай, говорю!» — откуда это испытывает, четкое, как графический рисунок: черная лестница, белое небо, алый туман подвал, гладящий вверх, в потолок скборные лица. Я сплющено смотрю в ночное зеркало, угадывая очертания.

«Купи мне карточки на хлеб. Кажду завалю, так я и подевала их куда-то. Не грамма жмыха! И откуда берешь его, весь рот желтым. Карточки на хлеб...»

Другой человек колдует над формулами: «А если так повернуть... Ну, тут уж сущая чепуха. Так нельзя. А где затерялся лист с дырками? Вот он. Попробуй провокацию. Хз обязательно надо спровоцировать, тогда он и расколется. Как милицейский...»

— Тебя, Булатик, просят зайти на физическую кафедру. То есть на кафедру физкультуры. Торжественно так заявили, стало быть...

Клава Гомпа жует прироки и благоухают жареным мясом.

— Что, уже обед?

— Обед.

— Дайте один прирок.

— Хоть два.

— Хватит и одного. Вы не заметили, что солнце сегодня похоже на полтинника? Новенький такой полтинничек, который словно потерпел рутигу?

— А сегодня нет солнца, — говорит Гоша. — И не предвиделось. Его просто не запланировали.

— Вы просто не заметили. У вас куринная слепота.

— При чем здесь демесе兹ные величники? — Гоша, как всегда, требует точности.

— У меня просто в кармане.

— Весенний обзор. Я бы сказал, привычный. На пустой карман лучше думается. Успокоительная философия. Бери на вооружение.

— Тебя — сама надо начакать, то есть надуть. Твой худой очен, Гомпа... много улыбается Клава и притягивает Гошу прироком.

— Это что же такое?

— Гармония, мой друг, всегда прекрасна, — изрекает Клава. — Эх, ребята, уехали бы нам на мески и на книгу-нибудь дебри. Я бы сам зарылся, отдохнулся бы, как бездельники. Представляете?

— Я пошел на кафедру, — говорю я. — И чего они там затеяли?

— «Главное, ребята, сердце не стареть...» — счастливая песенка, которую принесла Альса из детского садика. Она поет ее, когда есть блинчи с маслом. Наверное, такая поговорка в воспитательницами. Они веснушечки, с мицами, на груди значок, — и такая её радость с детским сама, как будто она не знает, что такое сердце не стареть...

— А оно стареет, часы. Несметно. Об этом знает всякий, но боится себе признаться. Каирдиаграмма сердца не газета, которую читают каждое утро. «А если оно разорвется, то пусть разорвется...» Это уже серыеезме...

И вхожу в кабинет и сразу попадаю на прием самбиста Машкина. Он выворачивает мне руку вместо приветствия. Осколок его зубов ослепителен, и дает же горько тому, кто хочеткусаться! Я терплю. Сейчас он отпустит и расхочется заужаст, как сова. Что ужебокстесищего зажима, что ужебокстесищих и прочими приемчиками? Нечему же ему прятать превосходство? Тогда или приборчики или с медведицами отпустили. Руки потирают.

— Не зашиб? Я отрабатывала новый захват, — глумится Машкин.

— Надолго хватило.

— Ишак не любил своего хозяина, — Машкин блеснул двумя вставными зубами.

— Баран не любил собственное мясо, — язвит я Машкина.

Он выплюнул два передних зуба после драки. И стал самбистом.

Потом мастером спорта. Потерянные зубы — это целый кусок биографии.

Физ. А кисть мне свирпнул ничего, отработал. Как-то жалко такого большого, здорового Машкина.

— Тебе, Машкин, о силе надо помнить на ковре. Захват.

— Ну, ты не задирайся.

— Приходи с трамплином, пригнем.

Хитрый.

— То-то и оно, там я тебе прием покажу, как надо сначала глотать воздуха, а потом снег. Тебе полезно, отличная еда для хищного организма.

— Слушай, и как ты шею не сломаешь? В тебе и веся-то... Кот на плакал.

Все-таки я его уел, с горчицей и перцем. Будь здоров, Машкин, а с трамплином ты летать не можешь. Рожденный плавать летать не может, так сказал великий писатель. Правда, он не был физкультурником, но все же...

— Принят, Булат, присаживающийся. А с тобой мы уже договорились. — Еще раз усыпал, что зализывается...

Кинжал Машкин, он стоит за моей спиной. — Заводской Федор Семенович задумывается: и чего же он тогда сделает с Машкиным, с замечательным мастером спорта? — Ну, ты все понял, и недоволен. Сто раз повторяется не буду.

— Понял, Семен Карпович. Я ж ничего, так, тоска однажды засела.

— А ты кефирчику с медом попей.

— Попью, Семен Карпович. Пока... Легонько трогает меня за плечо...

Что?

Семен Карпович — ювелирный магазин, медалью у него хоть разбавай. Седой склонился вперед, лицо чистое, гладкое, отполированное ветром. Руки тяжелые, всегда перед собой на столе. Спортивная куртка с множеством замков словно опоясывает его блестящими амбиками. С ней Семен Карпович никогда не расстается. И странно мне было увидеть его однажды в глухом черном костюме. Я даже остановился. Семен Карпович тихо подздоровлял со мной и, грустный, прошел мимо, не задерживаясь. Потом я уже узнал, много позже: в день гибели сына Семен Карпович был в костюме, в котором он всегда ходил, в котором весь его горят, как самый осеннийчатый сноп на горных вершинах. Высокий свет жизни... Был он и альпинистом, и равнинным лыжником, и трамплинистом разные опровергал. Собирал медали, как цветы с солнечных полян.

— Как дела, Булат?

— Да вроде ничего. Камень на голову еще не упал. Как вы, Семен Карпович?

— Хорошо.

У него всегда хорошо, прямо как отрублено: хорошо! Только в глазах — заслонка. Это... Это... — Семен Карпович — самый красивых ягоды муряны обилья, подзывающий — я всегда уже не слышу. Глядят он на меня, как через дырку. И я знаю, странная у него привязанность ко мне. Но лишился языка, то ли через другое что, только остановился на нем, взглядел и застынет. И когда делала разговор идет, ждет, что я скажу. Как будто я барометр для него, показывающий только ярость.

— Отходишь от лыж...

— Но это я, Семен Карпович.

— Вижу. Чувствую. А зря.

Сугра сует заедает. И ведь не мальчик уже.

Старик в стакане записываешься. Побольше бы таких стариков.

«Старик, к телефону... — мелькает в голове. Удар гонга.

— Дома породил?

— Порядок. Грибы растут.

— Почему же бросаешь лыжи?

— Не бросаю, некогда просто. Я бы мог вам раскрыть все карты, все схемы, все тайны, все... Но думаю, что не буду. И не нужно, засму, одна. Словно синяя волна с моря сорвавшаяся на берега. В детстве накапливал такое было. Ягоде мальши, а на отгадку ребята в футбол играют, синят. И сейчас все повторяется. Цифры заслали. А вот на лыжах встану, как увижу спуск и ту черту, когда ляется, обо всем забываю. Обо всем. Свет в голове. Вот Машкин сказал, что мысли однажды: «Тоска заморочила». И у меня так бывает, на трамплине забываюсь тогда.

Что-то больно разогорается я или Семен Карпович вызвал на откровенность, на откровенность, на откровенность...

— Передо мной дилемма: физика — трамплин. Абстрактные значения многое зачат; что им служит, надо отдать все, до последней капли. Понимаю. Даже дело не в выборе. Прягать с трамплином я все равно буду...

— И поиступил это наименее: «Главное, ребята, сердце не стареть...» — Привыкался...

— Сам в себе разобраться не могу.

— Я тебя понимаю. Говори. Ведь мы просто как друзья. Булат...

И повторил: — Я тебя понимаю, но ты слишком резко прозодиши гравиции.

Я работал над диссертацией. Мне бы помогли. А тут ходил...

— Передо мной дилемма: физика — трамплин. Абстрактные значения многое зачат; что им служит, надо отдать все, до последней капли.

Понимаю. Даже дело не в выборе. Прягать с трамплином я все равно буду...

— И поиступил это наименее: «Главное, ребята, сердце не стареть...» — Привыкался...

— Сам в себе разобраться не могу.

— Ты очень серьезный, а с виду кажешься легким. Тебе не надоел паники?

— В одном измерении жить нельзя.

— Ты говоришь как физик?

— Нет, как человек.

Мы молчали, не прыгали друг от друга глаз. Между нами все ясно и просто...

— Ну, ладно, давай пока оставим это. Мы вернемся к нашему разговору.

— Гоша залит! — Кто-то было сунул в дверь, и Семен Карпович рассердился: — Я залит. Послушай, Булат, универсалка через две недели. Ни Каекава. Ты хочешь подмыть воздухом?

— Конечно, — обрадовано говорю я.

— Во-первых — обрадовано говорю я.

— Во-вторых — я и пригласил тебя. Немного забудешь про ходовора.

— Забуду, — подтверждают я.

— А завтра ты придешь ко мне. Мы будем рады с Зиной. Все-таки... И я каким-то внутренним чувством ловлю неуверенную, тревожную наулу Семена Карповича. Сын. Его. День гибели.

— Спасибо, — говорю я.

— Ты после работы заходишь сюда, и мы идем. Снег бы выпал завтра.

— Выпадет, — говорю я.

Мы закуриваем, вспомнив о сигаретах. И между нами стоят кто-то третий. И я точно слышу его дыхание, третьего. Мы с Семеном Карповичем живем одним слухом...

— Где ты пропадаешь?

— В бед и почты не выходил. Совсем не выходил.

— Я спрашивала, где ты пропадаешь?

— Вам так важно это знать?

— Я не хочу, чтобы меня отвечали на вопрос вопросом, как в плохом анекдоте.

— Почему же это хороший анекдот. Извините.

Наш руководитель строг, как скрип в руках разгневанной бабки. Он должен, он обязан быть строгим, иначе мы все разбежимся лопатой пирожки или пить сироп. Пиво нельзя, от пива запах. Там чудится нашему руководителю, Лабибу Сабировну Сабирову. Он подозрителен, как постовой, эдакий прищуренный взгляд из-под лисящего лба. Должно быть, он себе нравится, когдаглядит в зеркало.

— Я скоро уеду на универсиаду. Меня поэтому и вызывали.

— Поступайте, Булат, вы к чему-то забыли.

— Не забыл, — отвечаю я.

— Но должны были сегодня...

— Не забыл, — с ожесточением говорю я. — Я рассчитывал котлы раньше.

— Но то были совсем другие котлы.

— Принцип один. Вы сами это понимаете. Надо было бы отдать математиков, они бы рассчитали, как в газетном кiosке. Принцип-то наш, в теч. же дело?

— Что за манера разговаривать?

— Человеческая.

— Занимайтесь делом, а не трамплинами.

Хорошо, что я не участвую в До конца рабочего дня успею.

— Упражняйтесь, а с трамплинов мы все умеем прыгать.

— Все? — не удерживаюсь я.

К моменту стула подходит Гонка, кладет руку на плечо.

— Не терпи перлы на молчаках, старик. Мы тебе оставили лимонаду. Вылей и «тирай в котел».

Я проглатываю кислоту лимонаду. Я скожусь с хрустом кислоты. Запихиваю в горло перлы листик диссертации: котлы там котлы. Надо помочь производству. Накинь — дело серьезное. С накинь нужно бороться. Сегодня четверг. Маленький четверг среди больших четвергов. Завтра надо забрать котлы, а потом сунуть их в котлы. Котлы — это котлы, котлы, котлы. Там не хватает рук. А они руки не устали в свободные дни. Они дают мне кое-какие деньги. И подрабатываю, спасаясь от долгов. Всё долги — кабала. У меня уже слезятся глаза по вечерам. Яркий свет падает на ватман с лампы. Скорь и надену очки и стану настоящим физиком. Так думают дилетанты: физики должны носить очки. Гонка тоже чешит, но у него очки с детства. Когда мы с Гонкой получаем деньги, то обязательно заходим в кафе «Елочки». Сосиски с горошком, сок и колынь. Мы можем позволить себе такую роскошь. Юле я покупала конфеты «Альбом», с семенами стручкового горошка. И на улице в часы пробки устрою ее в это же кафе. Мы легонько философствуем: он — спасибо-дилетант, ведь я была в «Елочки», а я серьезно или весело, потрясая конфетками. Боже мой, и почему я всегда вспоминаю одно и то же и, виновато мрачнею, в который раз исповедовалась Варенику! Он меня успокаивает, как добрый доктор, катая по столу бумагишки шариками.

— Ты, старик, закуря. Надо уметь отвлекаться.

Он любил читать математику, Вареник, и давать советы. Это как неизлечимая болезнь.

— Все мы хроники, а не хроникуры, — любит он повторять.

Навязчивая идея, и почему она меня преследует? Она уже существует как отдельно от меня, как облако над головой, как давно пропитанное, не замывающее в душу роман.

Вареник слушает и кивает, поддерживая меня.

— Написал бы все это. Просто, как на душе. Полегчало бы. Истинность — это не главное. Странно, что в этом я верю.

— Я уехал на Москву. Намоталась за день, страшно сказать. Из института к министерству, к институту, потом магазины, потом доставал билеты и чуть не проткнул головой кассу. Наконец все кончилось. Я стоял посереде транзитного зала и утирал ноги столичной жизни. Два стакана газировки немного обсекли. Я сдал вещи в камере хранения на Казанском вокзале и отправился в ресторан. Сначала я сидел за столиком одного, разглядывая пуговки и карманные. И тут ко мне за стол подсела девочка — маленькая Ульяна. И тут же тоже, видимо, девочка, ее звали Елизавета, и тоже в камере хранения. И еще я увидел за соседним столиком анатас. Большая такая пшишка, красавица. Я попросил официантку принести мне две анатасы. Позову домой, подумал я, дети и в глаза не видели анатасов. И сам я его не пробовал. Официантка улыбчивая, вся нахмурившаяся, подпялела ко мне, как легкое облако, и опустила на стол анатасы. И я сразу успокоился, как будто окончательно все уладил перед дорогой.

— Откуда? — весело спросил я мужчину.

— Из Екатерин. Сын так лежался два месяца. Вот я за них и ездил. Теперь домой в Томск. Подлечились, и хватят. Легкие у него.

— А сейчас как, после лечения?

— Лучше. Окреп.

Весь наш разговор на этом и закончился. О чем-то я задумалась или притянула что-то интересное, только потом вдруг услышала их разговор.

— Папа, кукиши, сыник. Я спрашивала.

— Все равно кукиши.

— Кто? кукиши. Жалость такая, кончились. Я лимон взяла, поела.

Полено, сказал доктор. Разве же я для тебя чего показал?

— Папа, кукиши, сыник. Я спрашивала.

И перед тем, как уйти, как вальт за холохи аналазис, поймал взгляд мальчика. Глаза, жадно раскрытие, как сильные раковины, звонкие под густыми бровями. Я еще отметил про себя: «Ну и брови!» А потом, уже спускаясь в камеру хранения, вдруг остановилась: «Так ведь он хотел аналазиса. А у меня было два. Как же это?». Пожадничав, что ли?.. И кинулся назад в ресторанный зал, а потом метнулся среди скамеек по первому, никих двоих. Не знал, что делать. И гул стоял в голове. И аналазис, и кукиши, и кукиши.

Я тебе говорю, старик, выложи все на бумагу и принеси мне.

С этим надо начать, а то тронешься. Большо переживательный ты человек. Сердце дрик три тяни. И когда ты позверослезишь? Пора бы уж, скоро тридцать разменялся. Людей-то случайных нет около тебя? Мельтешат, люди, случайные?

— Как это случайные?

— Ну, тех, которые то скобу, то сзади.

— Ни понимаю я тебе, Вареник.

Ты только изжалуйста, не зови меня при людях Вареником.

Несомненно, это я. Го бринкеш, а мне красивей.

Мы понимаем друг другу руки, и Вареник следит, как я застегиваю пуговицы на пальто, поглядывая задомъ газету.

— Пока, Вареник.

— Пока, старик. Конфеты не рассыпь.

— Духота у тебя странная, хотя бы форточку открыл.

— А, да у нее к ее бесс. Сквозняк. В прошлом месяце неделю лежал. Как с диссертацией?

— Никак. Ползет, как улитка.

— Спине, свободу получишь. И гропи к тому же. Деньги нужны, чтобы не думать о деньгах. Народак.

— Здравствуйте, Булат!

Совершенно случайно узнал, что вы были в Москве. Я давно тебе рассказывал. (Думал простите, что я вас беспокою.) Я пришел с тобой в один из ресторанов, где мы были друзьями. Московская школа № 120. Потом нас разместили когда-то куда после восемнадцатого класса. Война. Уверен, что ты тоже воевал. И я рад: осталась жена. Нашла я тебе все-таки. Погиб. Погиб, заглянул случайно к секретарше в журнале, в котором она фиксирует командированных. И виду — ты! Секретарша в заломила тебе. Значит, мы коллеги. Я тоже физик. Другой дистрета осталось мало. Погибли. Тем более мне было приятно найти тебя. Отклинился. Ведь не может быть, чтобы ты был двойником твоего друга — Валентин Сингула. Быть! Души письма.

Морговая приемная, когда я приоткрыл такое простое письмо. Я увидел: «Письмо к Вам». Да не учусь я никогда в Москве. Да не зевал я. Пять лет мое было в сорок первом. Так ведь, что-то же nosil мое имя и моя фамилия. Кто-то заслонил меня грудью». И все перемешалось во мне, сместилось. Может, он думал убит. Может, лежит рядом с отцом. Конечно, рядом, в одной земле. А я носу его имя и фамилию. С ума сошьт, какие случаются совпадения. «Я только тебе это Двойник...» И давнишний друг вот уже сколько лет мечтается в его поисках. Точно так же, как я когда-то с двумя аналазисами по многолоджевому перрону.

Я никому не показывал письма. Надо было, чтобы оно случилось и никому не показывалось. И если не знаю, то мне тревожно и неловко в своем себе, как в тестом убежинке. До сих пор война боялась думать. Словно во мне где-то в глубине есть тайное дло, поддав, где лежит прошлое, горечь, что ли. Она всыпывает без всякого повода, вдруг окраинами своим светом, отдаленным, блуждающим светом, подобным отсвечивающему дуновому зеркалу...

Я делаю быстрые расчеты. Они не мешают мне думать. Все уже ушли и оставили на гвоздиоке ключ. Чек скорее я кончу, тем лучше. Тендер-аккуратчино все перепись, и конец. Я разглядываю, как боль от плеча уходит.

В детском саду меня ждет дочь. Сидит среди снега на лавочке и ждет. Конечно, рядом воспитательница, но все разно как-то обидно, когда эта ждет. Дочь сидит на лавочке и ждет, перепишу утром. Приду пораньше и перепишу. Чем за глупости работать, как машина. К черту! Всё! Домой! Дочь сидит на лавочке, и болтает ногами, и думает, где же он, я. «Старик, к телефону».

Облегченно, гордый над струнами фонографа, снег падает на тихую Университетскую. Потом... Даже воротник можно не поднимать. Я лицу глубоко. Я умею дышать глубоко. Этому меня научил тренер, деревенский, крепкий дед с длинной синевой бородой. Он научил меня дыханию в воздухе и возвращению к земле. Он проверял меня на прочность, и я, словом однажды руки, вернулся к нему, не предрас. Дышится как будто снег застывает в горле. Завязало.

— Вы заходите?

— Конечно.

Автобус обдает горячим бензином и резко берет с места. Дочь моя пригриморнула, и ей осталась одна забава — ловить на языке снег. Еще немного. «Старик, к телефону!» — закричит она мне на встречу и укнет-с розовыми лицом в ладони.

ПЫЛАЮЩИЕ ФЛАГИ

В «аггемпериалистическую лигу» вступают представители самых широких слоев населения, как эта пожилая крестьянка.

Cнова, уже в который раз, народ Японии говорит решительное слово американскому военщине, чьи военные базы и аэродромы отняли землю у японских крестьян, а подводные лодки и авианосцы заражают радиоактивными отбросами прибрежные воды страны «восходящего солнца». Известно о том, что правительство собирается в 1970 году возобновить японо-американский военный договор, вызвало новую вспышку протеста среди населения.

Тысячи японцев вышли на улицы городов и деревень с транспарантами и лозунгами, привыкавшими к активным выступлениям против «договора безопасности», требуя покончить с американским присутствием на японской земле. В этих многочисленных демонстрациях принимают участие студенты и молодые рабочие, служащие и рыбаки, крестьяне и интеллигенция. Серьезные студенческие беспорядки в то-

кийских и других высших учебных заведениях потребовали вынешательства крупных полицейских сил, но это лишь часть огромной волны недовольства и протеста.

Пожилая женщина в горнице каске, которую вы видите на снимке,— крестьянка, участница демонстрации, организованной молодежью и студентами и поддержанной крестьянами, против строительства аэропорта в Нарите, в 15 километрах от Токио. «если бы американцы не требовали от нас земель, которые они сейчас занимают, то строительный аэропорт не было бы необходимости»,— приводит французский журнал «Парн-матч» слова демонстрантов.

Полиция применяет изощренный арсенал средств — от дубинок и гранат со слезоточивыми газами до специальных ружей и бронированных гидромониторов, чтобы предотвратить или сорвать манифестиции. Только в Нарите после нападения полиции на демонстра-

Полиция разгоняет демонстрантов с помощью газомониторов (слева и снизу). Летучие отряды молодежи — «кидото» — оборошаются от полиции, вооружившись алюминиевыми палками (снимок вверху). Участники одной из демонстраций сжигают антиамериканский флаг (слева внизу).

полну недовольства и протesta, усиливая полицейские части и все чаще прибегая к жестким репрессиям. Но эти крайние меры не дают желаемого эффекта. Демонстранты японского парламента решительно выказываются против продления японо-американского договора, поддерживая справедливые требования своих соотечественников. Народ Японии, ее молодежь продолжают борьбу.

Михаил АРИНИН

цию молодежи и крестьян насчитывалось около 400 тысяч человек. В ответ на полицейские беспинства демонстранты сорвались с земли и кинулись, кавказ на головы пластиковые маски, чтобы предохранить себя от ранений. Молодежь даже создала особые летучие отряды — «кидото», — некоторые привезены защищать участников демонстрации.

Но было ни одного массового выступления, большого или малого, чтобы его участникам не сжигали звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов. Этот символ американской империи, постоянно напоминающий каждому честному японцу о тепле Хирросимы и Нагасаки. Почти стихийно возникла нескользко недель назад «антимонополистическая лига», насчитывающая все большее количество участников и сторонников.

Уже сейчас правительство Японии вынуждено обращать серьезное внимание на растущую

В пятнадцатом номере нашего журнала за прошлый год под рубрикой «Кругозор современника» была опубликована беседа с ленинградским учителем В. Е. Ярмагаевым. В этой беседе речь шла о духовном мире нашего современника — рабочего подростка. Об уровне и характере его интересов. О жизненных представлениях и замыслах. О сложных путях воспитания молодого человека.

Заканчивая тогда разговор, Владимир Емельянович Ярмагаев обещал написать специально для журнала статью, в которой бы более подробно рассматривались проблемы воспитания на линии школа — завод. Сегодня мы публикujemy обещанную статью В. Е. Ярмагаева.

Владимир ЯРМАГАЕВ

ВОСПИТАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЯ

Оборотная сторона воспитательного процесса.

Учитель или мастер — кто в ответе за подростка?

Призрак мастеровщины и «кодекс подростка».

Чем измеряются усилия педагога?

конец всякого дела — у кассы!

Это я услышал не от взрослого. Произнес эту поспешную сентенцию семнадцатилетний паренек, первый год работающий на заводе. Что, он сам ее изобрел?

Не будем воображать, что наши дети якобы без интереса к искусству, спорту и практическим, чем бы то ни было, занятиям. Это не амнезия нашей близорукости. Нет, они, семнадцатилетние, какт после школы на завод, как говорится, с полным сознанием ответственности. Они вооружены уверенностью, что производство, цех, станок — это серьезные, почтенные слова, имеющие притяжку обработанных, а не презренных металлов; что, смывшись с ними, они вернутся школьниками, потерявшие способность к труду, к общественной независимости. Первый рабочий номер, первый пропуск на завод, первая специальность — все это звучит в сознании юноши и девушек романтически, празднично, возвышенно. Первый день рабочего бытия — очень важный, переломный момент в молодой жизни, и, как всякий шаг по пути в зрелость, он имеет огромное воспитательное значение.

Вот почему рабочий, который руководит производственной группой молодежи, и мастер цеха — это не просто обозначения, а конкретные виды, то наставники воспитания во всем граничном значении этого слова. Воспитателями становятся все взрослые товарищи по цеху и участку. Воспитывает весь коллектив цеха, стиль его внутренней жизни, самый воздух, в котором работает производство. Воспитывает и внешний вид и манера себя держаться. И готовы старшие к этому или нет, новое, принесло кое-что новое и в жизнь производства и в бывшую школу рабочей молодежи, как ее хорошо называли раньше. Нельзя сказать категорически, что все новации имеют целиком положительный характер. Так и тут.

Несколько лет назад стало нормой такое явление, что со школьной скамьи молодежь идет в производство и одновременно с тем в вечернюю школу. Явление это, в общем, новое, принесло кое-что новое и в жизнь производства и в бывшую школу рабочей молодежи, как ее хорошо называли раньше. Нельзя сказать категорически, что все новации имеют целиком положительный характер. Так и тут.

Учителя вечерних школ не в восторге от нового контингента: мастера и начальники цехов также не пригают от радости. Дело в том, что восемнадцатилетним образованием ограничиваются, как правило, не слишком серьезные натуры. Их хватало на учебу без работы, а тут работай да учись. Организм молодежи, нервная система неустойчивая, утомляемость, быстрая утомляемость, недолговременность — вот все это.

Надо учитьчить, чтобы они работники невалидизированные, к трудовой дисциплине не привычны. Льготные дни для тех из них, кто учится, особый график отпусков — все это серьезно перестраивает работу цеха, осложняет задачи руководства. И другое еще к этому прибавляется: нарушение дисциплины, прогулы, с то и такие дела, в которые уже вмешивается милиция. Как быть?

Ответ один: необходимо серьезно задуматься о воспитательной работе с молодежью на производстве.

Скажите, какое открытие Америки! Всем это давно известно... А вот обратимся мы к повседневной жизни производства и проверим, такая ли это общепонятная истинка.

Наша школа однажды притянула мастеров завода (завод является нашим шефом). Пришли в мой класс солидные, плеистичные дяденьки и, посыпавшись, не без труда втиснулись за свободные парты. Рядом сиделись мои ученики. Я им объяснял:

— Вот ваши начальники по производству. Просю высказаться свободно и откровенно, какие вы имеете к ним и вообще к производству претензии.

Никоторые боялись длилось ожидание молчания. Затем встала Лариса Иванова, помощник старосты класса, и произнесла довольно запальчивую речь. За неё выступили другие. Мастера, я заметил, чувствовали себя не очень уверенно: именные претензии были вскликнуты.

Не знаю, типично это или нетничко, но от своих учеников помимо этого разговора, я слышал неоднократно, что работы мы просто не делаем. И вот в этот момент кто-то из нас просто некому доложил до меня и слухи о грубости обращения, о корыстолюбии, несправедливостях, о... Нет, не умолкли и о таком случае, когда одной нашей учительнице пришлось защищать свою ученицу от ее мастера. Да, пришлось, причем долго и упорно. Мастер был опытен и хитер. При посторонних он обращался с девушкой совсем не так, как наедине.

Разумеется, акцентировать на таких редких случаях — значит искажать действительность. С молодежью на заводе очень много работают. Уж не говоря о комсомольской организации, работают все, решительно все облеченные общественным достерем лица. Большой частью, когда приходишь на завод для беседы с будущими учениками вечерней школы, в неё включаются и представители администрации и партийные и комсомольские организаторы. Они убеждают молодежь учиться, делают это спасительно, напористо и с большим успехом, чем мы, учителя.

Так бывает весной и осенью, в период больших кампаний по вовлечению молодежи в школы, вообще по вовлечению во что-то и привлечению к чему-то. Но воспитание не единично, а систематическое, это не единичный, мгновенный протекающий во времени процесс. Он последователен. Он строго логичен. Он никогда не зависит от случайно брошенного слова. От одного косого взгляда. От неизвестного понятия.

Прихожу в цех во время обеденного перерыва и часто застаю такую вытобую картинку: сидят за столиками и оглушительно стреляют в пустые тарелки, плюхаются на скамейки, смеются, кричат, шутят. Взрослые, не придавая этому ни малейшего значения, весело толкуют о женском непостоянстве и мужских страстях. Бывшая сторона жизни в таких беседах — облегченная трактовка, в стиле удалого хамства со значительной примесью мужского позора.

Рядом подростки жадно впитывают. Учатся. Так сказать, познают знаменитую «оборонную сторону мастерства». И, наконец, эта пресловутая мастеровица, весь этот безвкусно составленный комплекс устаревших понятий о длинном rubble, о величии мужской человеческойности, о том, что «если на свете ошибка одна», — воспитанники, которой никогда приходится заниматься подростком вместе с первыми трудовыми навыками, не может и не должен считаться положительным явлением в жизни молодежи.

Кто противостоит этому? Опять же мастер, начальничий цеха, все те же взрослые товарищи по станку. Как ни размышильно, придется к одному выводу: это не то, что видят в первом очереде мастера, а потом уже техника и организация. А люди бывают разные. Воспитатель тоже, слушается, надо воспитывать. «Врачи, исцеляющие», — сказала сама Таня. Надо же понять наконец, что дело воспитания молодого рабочего — в руках каждого взрослого, его сотовища по рабочему месту. И дальше этого никуды не уйдешь.

Разнообразием форм воспитательной работы, которым любят блеснуть некоторые компании, я восхищался, но — по-моему, щеголяя нечего. Дело не в том, что в содержании. Можно провести сто сорок пять разнообразнейших мероприятий — и свист их на нет нет другой вееринкой, проведенной в обществе зрелых и многоопытных пьяньих. Ведь дела воспитания очень тонков. Об этом не надо забывать. Измеряется она не количеством рейсов, не числом примеров добродетели, не зернистым и глубоким языком духа человеческого.

Некоторые мастера любят жаловаться на молодежь, хланившую к стаканам из-за парт. Однажде и ленивая, и распущенная, и прически носят непрозводительные волнистые, и старшие не уважают... А как уважинь его, старшего, если в день получит он немножко под хмельком? Откажется от него? Или добродетельный мастер, его первый в активе мастер, передает ему свой матершинник и делает это столь легко и непринужденно, что хочется и это искусство у него перенять!

Нет уж, будем следователями!

Поставим другой вопрос. В смехе ли мастера и начальнических цехов, люди чрезвычайно загруженные не только заботами о выполнении плана, но еще и всяческими общесоюзными по-ручениями — собственное усобицей — могут ли они всерьез заниматься воспитанием? То есть

господствующей мастеровицей. В наше-то время, на нашем-то заводе!

Сланчающим молодежь я бы давал год отсидки. Коли уж сам удержаться не можешь, лей — и стыдись этого. Но вливать в глотку неискушенного паренька стакан того, что он ощущает, погружает в себя самое мерзкое, позляет дратко-изогнувшись образ человека-скисий, — это — уголовное преступление. И никакие годы, никакие заслуги не должны спасать такого «воспитителя» от общественного порцизания.

Принято уравновешивать баланс статьи положительными примерами. В данном случае нечестивого и уравновешившего, потому что злодей, Арика, мастерской, в которой я учился, вспоминаю и вспоминаю глубоко положительного Никиты. Никиты распространяется о воспитательном значении труда, о здоровом воздействии рабочего коллектива, о роли комсомольской организации — это все известно и может быть в любой момент подтверждено тысячами примеров. Но каково сложное явление, в целом положительное, несет в себе и отрицательные заряды.

Внимательно присматриваясь к внутренней жизни производств, мы находим в них и тайны, и страсти, которые дурно воздеяют на молодежь, ограблено школьного возраста. Ранних перегородок организма. При совмещении с учебой — хроническое утомление. Преждевременное знакомство с тем, что стыдливо называют «внешней стороной быта». Слишком легки приобретаемая материальная состоятельность — минимум настойчивости, потому что домашнее обивание подростка, дорогое счастье родителей, продолжается еще долгое время. Большие деньги в неопытных руках — они тоже вряд ли способствуют правильному развитию сознания. И, наконец, эта пресловутая мастеровица, весь этот безвкусно составленный комплекс устаревших понятий о длинном rubble, о величии мужской человеческойности, о том, что «если на свете ошибка одна», — воспитанники которой никогда приходится заниматься подростком вместе с первыми трудовыми навыками, не может и не должен считаться положительным явлением в жизни молодежи.

Кто противостоит этому? Опять же мастер, начальничий цеха, все те же взрослые товарищи по станку. Как ни размышильно, придется к одному выводу: это не то, что видят в первом очереде мастера, а потом уже техника и организация. А люди бывают разные. Воспитатель тоже, слушается, надо воспитывать. «Врачи, исцеляющие», — сказала сама Таня. Надо же понять наконец, что дело воспитания молодого рабочего — в руках каждого взрослого, его сотовища по рабочему месту. И дальше этого никуды не уйдешь.

Разнообразием форм воспитательной работы, которым любят блеснуть некоторые компании, я восхищался, но — по-моему, щеголяя нечего. Дело не в том, что в содержании. Можно провести сто сорок пять разнообразнейших мероприятий — и свист их на нет нет другой вееринкой, проведенной в обществе зрелых и многоопытных пьяньих. Ведь дела воспитания очень тонков. Об этом не надо забывать. Измеряется она не количеством рейсов, не числом примеров добродетели, не зернистым и глубоким языком духа человеческого.

Некоторые мастера любят жаловаться на молодежь, хланившую к стаканам из-за парт. Однажде и ленивая, и распущенная, и прически носят непрозводительные волнистые, и старшие не уважают... А как уважинь его, старшего, если в день получит он немножко под хмельком? Откажется от него? Или добродетельный мастер, его первый в активе мастер, передает ему свой матершинник и делает это столь легко и непринужденно, что хочется и это искусство у него перенять!

Нет уж, будем следователями!

Поставим другой вопрос. В смехе ли мастера и начальнических цехов, люди чрезвычайно загруженные не только заботами о выполнении плана, но еще и всяческими общесоюзными по-ручениями — собственное усобицей — могут ли они всерьез заниматься воспитанием? То есть

таким делом, которое является сложной профессией, делом специалистов по этой части! Можно ли требовать от мастера, помимо качеств руководителя, качества педагога, качества педагога?

Я не склонен требовать от мастера, чтобы он выполнял мои учительские обязанности. На то у меня звание учителя и соответствующие профессиональные навыки. С какой же стати он должен меня подмывать? Однако обстоятельства поставили его в такие условия, что он не может чистосердечно сказать: «Я — я, и лошадь не моя». Сколько забот, сколько портфелей он имеет, сколько молодежи, которую он должен руководить, от него зависят ее заработка. Да это еще куда ни шло. От него, от мастера, начальнической цеха зависят и первые впечатления молодого человека, и его духовный настрой, и окончательный выбор им специальности, и многое другое. И от этого тоже не убежищек.

Всякий взрослый — я пользуюсь старыми истинами — всегда воспитывает молодого. Уже скрома существованием рядом с ним. Уже в силу того, что он зрелыйственный человек и строит коммунизм. Не надо только думать, будто для этого следует глядеться на кафедру, чтобы длины и скучны говорить о добродетели. Не надо быть и ханжой, боящимися смелого, честного слова, горьких истин.

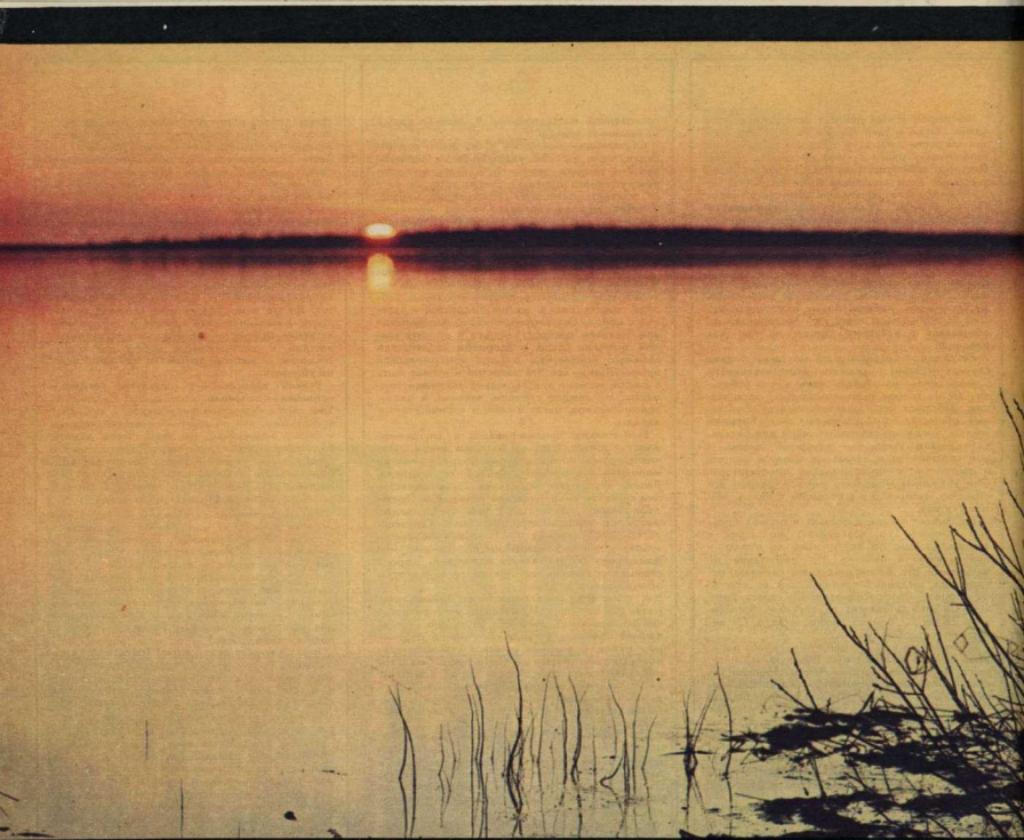
На металлическом заводе авторитет Юрий Львович Шнейдер вел бригаду поставщиков (бригаду «Тоннажную»). Бригада «Линии» в школе консерватории труда. Юрий Львович был не только в курсе всех их дел, не только посещал школу, где они учились, — ни один из шаг, верный или опрометчивый, он не оставил без внимания, каждое неясное им самим душевное движение. И сам он пример для молодежи. Он им и учитель, и отец, и политический вожак.

Что, о ком конкретно говорит? Третия своеобразная школа, третяя мастерская большого завода, на камне-то там педагогические методики и вместо заботы о выполнении плана научил книгу Руссо «Эмиль», или о воспитании?

Но пусть дело, которое выполняет этот замечательный человек, не всем по плечу. Пусть не каждый так живо заинтересован в молодежи, но каждый так близко к сердцу принимает ее духовный рост. Я вспоминаю однажды начальника цеха. Он вовсе не был горячим педагогом по натуре, но в один прекрасный момент, вспомнив свою нелестную сознательность, вдруг засиялся перебежкой из нашей школы в другую. Я было согласился на это. «Нет», — решительно сказал товарищ А., начальник цеха, — не позволю. Пусть остается в заводской школе. Здесь мне удобней за ним наблюдать.

Эта короткая реплика, это мимолетное, но твердо вмешательство начальника цеха сказала мне очень многое в его пользу. Конечно, но не только не ради заслуги, судьба молодого человека, в чём-то даже руководствовавшего команды производств, больше и дальше. Просто надо чувствовать себя отцом не только по отношению к собственным детям, больше иначе.

Заканчивая свою рассуждение, я собираюсь с мыслями для какого-то разговора, для итогов и не нахожу, что имею право принять к каким-нибудь обобщениям на тему «Воспитание молодежи на производстве». В том, что было здесь сказано, нет ничего нового. Ясно одно: что-то в этом, что-то в методе воспитания производится на молодежи от 15 до 18 лет — это вопрос сложный и единим маком разрешить его нельзя. Важно и то, что вопрос поставлен, а решать его мы — вечерняя школа и завод — должны сообща. Нет никакой необходимости представлять дело так, будто на плечи мастера и начальнических цехов отныне ложится педагогическая нагрузка. Решение вопроса о воспитании, о работе с молодежью, о ее становлении, бесчувственности и безответственности в отношении к молодым производственникам. Речь идет только о поисках правильного подхода к проблеме, поставленной жизнью.

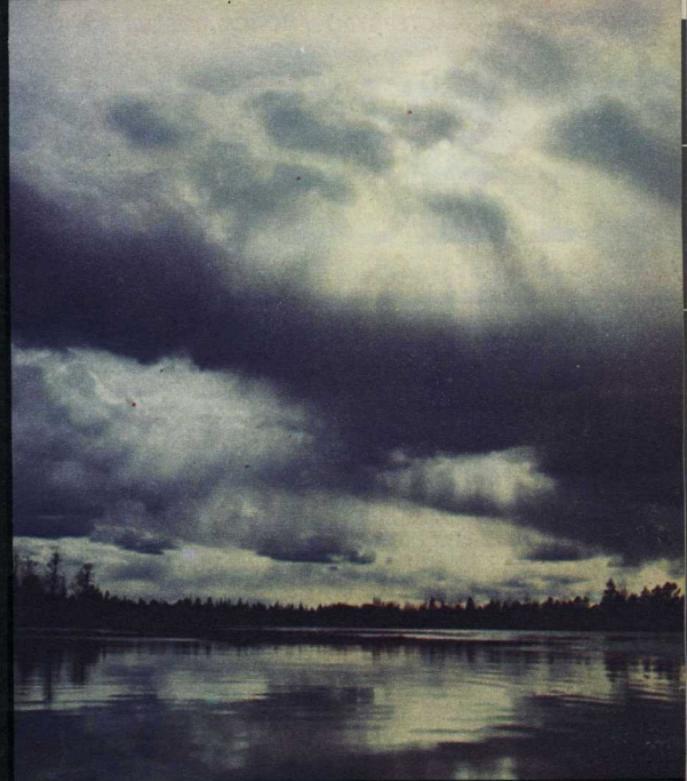

Изумрудное озеро смирило, и все замерло в природе, словно прислушивается к чему-то...

Красота
родной
земли

КРАЙ ОЗЕРНЫЙ, КАРЕЛИЯ

Гелий КОВАЛЕВИЧ, Вадим ГИППЕНРЕЙТЕР (фото)

Dыло это хмурым карельским октябрем — с черно-опаловой далью Онеги, с мокрыми снежными ветрами, продувавшими город, с запахом рыбы, которую выгружали с судов... И мы уходили в рейс, к

рыбачьим островам, в Заонежье....
Как напряженно, бодро было в ожидании незыбаемых далей, и как хорошо было, идя по длинным морским причалам, смотреть на странный захват, на его игру с цветом предзимних облаков и водной дали, смотреть на начинение судовых мачт среди редких звезд!

С озера дуло зимой, а над причала-
ми, над прибрежной водой, охвачен-
ной цепью из бревен, все стоял этот
пресный и кровавый дух рыбы... И я
думал, что какая-то тайная струнка
нашей души жива неопределенным
окинданем чего-то — неурочным ли-
стом встреч с красотой, с незнакомым ли-

Может быть, человек остается настолько молодым, насколько сохраняет доверие чувству?

Тогда, десять лет назад, сумерк-ундервалея кине Карапель с палубы судна — Разбитый качалки, которая ударила в ноги и мотала, рвала и окатывала, заодно вырывая из платья и вытирая из глаза, — покинул корабль, черноморка в залоге, и на капитанской каюте на палубу и поразился смешению мрака словно бы из глубин океана с ярким светом пронзительности огромного водного пространства окрест. Из навалов наемных поднимались горы облаков, пропущенные ветром, пронизанные ярким светом огненных, и черные осенни синева среди которых, снега, умирающие от солнца, ветви деревьев, покрытые снегом, и все ледяные голые чайки. И я почувствовал, что всю жизнь искал эти «картины св

Остров был невелик, невелик был и рыбакский поселок — пять или шесть изб на спуске к причалам. Съезжались сюда рыбаки под осенью на рыбушину, пока лед не станет в проливах, пока МРБ таскают лодки по волне к ставным небоям. И до новой осени пустует поселок, до окончания распластываются синие травы... Только

На стр. 20

СТРАТЕГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Б. ЕВСЕЕВ

Tехническое творчество. Мы както привыкли, что в этом сочетании удачнее делается на первом слове. А речь идет о творчестве. И дело не только в сакционированных тысячах, которые сразу приходят на ум при слове «рационализация». Техническое творчество обогащает человека, формирует характер, развивает мысль. Это, конечно, заблуждение истини. Но нелишне ее напомнить, потому что в иных комсомольских организациях с широким размахом проходит «рационализация», и это не всегда походит за культуру производства, вовсю святит «комсомольский проект», но когда говорит об отданье, о результатах всей этой работы, называют в отчетных докладах лишь цифры, проценты. И, довольствуясь, прислушиваются к аплодисментам.

Что такое человек с коммунистическими идеалами? Прежде всего творец. Сознанием создаются. Всякая задача, встающая перед обществом, имеет свое решение в творчестве. Он спрашивается себя: могу ли я быть полезен? Если — значит, иду, спешу, действую! Помините у Хикмета: «Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, если мы гореть не будем — кто тогда развеет туман»?

А как узнать: могут ли или нет? Только соверши поступок, только начните действовать.

Армия молодых рационализаторов и изобретателей, конечно же, не отстает отдельно ко всем массе рабочих молодежи она составляла машиниста. В статьях и докладах неоднократно встречаются цифры вроде следующей: «У нас каждый четвертый комсомолец — рационализатор». Или каждый пятый. И это рассматривается как достижение. А остальные четыре? Конечно, техническое творчество требует способностей, в изобретательство — таланта. Но ведь способности, даже минимальные, можно развить. Вспомните, как говорили о некоем будущем падавенчике: у него и математики никаких способностей. Но приходит в класс другой учитель — глядь, появляются способности!..

Что помогает и что мешает техническому творчеству молодежи? Для этого думают сами молодые рабочие, инженеры, руководители производства! За ответами на эти вопросы я отправился на Алтайский завод тяжелого машиностроения.

Вместе с секретарем комитета комсомола АЗТМ Юрий Бузунов мы сидим в залитой кульминацией комнатах текотдела и листаем фолькланты. Их пять, и каждый весит килограммами по два. Это десяти килограммов «дело» о рацпредложениях, внедренных за шестьдесят седьмую и первую половины шестьдесят восмого года. Чертежи, опи- сания, расчлененные предварительно на очень длинные параграфы. Сейчас же интересуют конкретные данные авторов предложений. Мы уже знаем, что всего на заводе 494 рационализатора, за год они внесли 533 предложения, 315 из них внедрено, а экономика составила в 1967 году 800 500 тысяч рублей (при плане 390 тысяч). План экономики на рационализацию этого года выполнен полностью за первые пять месяцев.

Все это великолепно. А сколько среди рационализаторов молодых? Такой статистики не ведется.

И мы терпеливо листаем пухлые тома... Наконец перевернута последняя страница, произведены необходимые подсчеты. И вот что оказалось: рационализаторов в год рождения на заводе 21, 1939-го, 12, 1940-го, 7, 1941-го — 4, 1942-го — 4, 1943-го — 4, 1944-го — 1.

Итак, самому молодому рационализатору — инженеру Валентину Скулову — дяддят — около тысячи молодых рабочих в возрасте от шестнадцати до двадцати трех лет.

В чём же дело?
На этот вопрос отвечает

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ГОЛУНОВ, старший мастер производственно-технического училища № 1 по радиоизготовлению производственной практики

— Погусти дела, мы почти не готовим ребят на техническое творчество. У нашего училища нет специальных групп для технического творчества. Ютимся мы в помещениях вечерней школы. Арендаем в дневное время несколько классов. Существует пять групп практик. На заводе также учатся техническим творчеством! И все же следим с ребятами стечкой: сверхильный и степа со спасением от практик. Иначе бы не получили областной выставки получили. Задумали сконструировать маленький токарно-винторезный станок с программным управлением. Программы были введенены в электрике — мешаешь. Поставили свои детали в отдел подготовки кадров — там номинал маленик. Самые лучшие из них отбираются в Москву.

Наша училищница создалась в тот год, когда в школах двойной выпуск был. Прозапас подписаны, а открытия не было. Их не было. Их не было.

И, между прочим, в республике таких бес-

кофийных училищ, как наши, не так уж мало.

Образованы не раз в областных управлениях и в республиканском комитете по профорганизованию...

Я слушал Павла Ивановича, а перед глазами стояли увиденные в Манеже на Всесоюзной выставке технического и художественного творчества труды резервов сложнейшие кибернетические устройства. Автоматические линии. Системы и агрегаты, внедрение которых в промышленность дало миллиардовую прибыль. Все это создали совсем юные ребята. Воспитанники РТМ. Такие же, как в альфа-атомской училище № 12. Тогда училища и нынешние, полечу.

«Так появился первый ответ на вопрос. Но разве дело в том лишь, как оснащены, обеспечены училища?»

Вот что говорят по этому поводу

ЮРИЙ БУЗУНОВ, секретарь комитета ВЛКСМ АЗТМ:

Из ПТУ мы получаем меньшую часть пополнения рабочих кадров, новых кадров, высококвалифицированных. Задача новичков в комитете — наставничество с ними разговаривать, и выясняться, что от производств есть иместное представление самое смутное. Или: «Мы хотим, чтобы вы сделали для нас...» Или: «Отец посоветовал». Конечно, не вся это отвечают. Но многие. Естественно такого количества, которое мы хотим, не получается. Причин, сам за свою жизнь ничего не мастеря, разве что коробочки наизнанку на уроках труда. Или: «Мы хотим, чтобы вы сделали для нас...» А начинать надо именно в школах, в домах пионеров. Технический кружок, секция моделизма, секция струнка на пути будущего рационализатора.

Здесь позвольте сделать небольшое отступление.

На окраине Москвы, на тихой Малой Янушиной улице, стоит корпуса небольшого завода. Все

здесь как обычно — станки, вентиляционные устройства, электронные приборы, распределительные щиты, склад готовой продукции. Только самому «старому» рабочему еда испытывалась сильнее, а на вывеске рядом с называнием завода «Чайка» стоял сплошной «учебный».

Учебный завод «Чайка» — это, конечно, продолжение в современных условиях опыта великого советского педагога А. С. Макаренко. Помните знаменитые фотоаппараты «ФЭД»? Еще в начале 30-х годов Макаренко организовал современное, оснащенное высокой техникой производство, где полными хозяевами были подростки, воспитанники коммуны имени Дзержинского.

Макаренко понимал величайшую силу творческого труда. Идея его была в том, чтобы создать директор «Чайки» Валентин Федорович Карманов. Вот почему он с невероятным упорством добивался завершения строительства нового лабораторного корпуса завода. Чтобы каждый воспитанник «Чайки» не только овладевал специальностью (токаря, слесаря, электро- и радиомонтажника и т. д.), но также осваивал новейшее оборудование и приборы, и не учился сам конструктировать и изобретать, но и сам изобретал.

За несколько лет работы «Чайки» накопила большой опыт. Здесь успешно решены многие проблемы, до сих пор стоявшие на пути подлинной политизации советской школы. И педагогика, и техника, и качество продукции «Чайки» (основной вид изделий — микролэлектродвигатели) — на подлинно современном уровне. Недаром с школьным заводом охотно имеют дело крупнейшие научные институты, конструкторские бюро и такие гиганты индустрии, как «Уралмаш».

Мне довелось не раз беседовать со старшескими работниками Московского района. Ни один из них не сказал о работе на «Чайке»: «Напрасно потратил время». Не сказали так даже те, кто твердо решил стать филологом или юристом. Оказывается, научиться управлять сложными радиоэлектронными приборами замеччиво для каждого, кто не знает, что это такое».

И последние «Чайки» не только трансформаторы. Они дает приблизительно в сотни тысяч рублей. Именно на эти деньги, заработанные самими ребятами, строятся сейчас лабораторий корпораций...

В свете этой самоокупаемости и прибыльности школьного завода еще остается встать вопрос: почему «Чайка» до сих пор единственная, уникальная? Потому что в Москве и в других городах и районов страны не предстоит возможность пытаться и шестидесять лет приобщаться к технике и техническому творчеству в их самом современном выражении?

Но вернемся на АЗТМ.

ЮРИЙ БУЗУНОВ продолжает рассказ:

— Основной метод обучения новичков у нас — индивидуальный. Приходит парнишка, его привозят в опытную рабочую мастерскую. Через неделю дела почти не вмигались. Но вот однажды запелется и начинает работать машина, и в следующем же дне он уже может проработать ее. Что это? Это то, что Кольца машины проработали, а в этом же месяце однаждцатый рублей премес, а в этом же месяце девятый рублей премес.

Потом, в цех, разбрзгиваясь. Оказалось, учитель — старый, опытный товарищ. Работает хорошо, склоняется, объясняет не может. Образование у него не было.

Выяснилось, что в отделе подготовки кадров вообще принцип таин: дают учеников тем, у кого

НОВАТОРСТВО — ДЕЛО КОМСОМОЛЬСКОЕ

И ПЕДАГОГИКА И ТЕХНИКА

ИЗОБРЕТЕНИЕ ВНЕ КОЛЛЕКТИВА!

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬКА К РАЦИОНАЛИЗАТОРСТВУ

стаж побольше и разряд повыше, невзирая на педагогические и иные личные качества учителя. Термин «система «ученик — учитель» под контролем авторитета учителя». Система, в которой в наставнических работах с творческой жизнью лучше всего рационализаторов, студентов, Танки, как Ивана Касова, Сашу Литовченко, Юрия Гусака, Камерера, а также других трех-четверых, так сказать, по образу и подобию учителя.

И все же нет у меня ни плюсов, ни удовлетворения от этого. Это я говорю о Никоновском заводе, где я учился. Вот там, на Никоновском заводе под Ленинградом. Там большой учебный цех. Преподаватель руководит лучшим мастером. Инициатором творческой жизни в коллективе, то есть, тут живут у станков и поточных линий, знакомят ребят с технологическим процессом. У никонцев понимают, что для того чтобы изобретать, нужно газореза, понимают взаимосвязи и взаимозависимости отдельных операций. А это для рационализатора — хлеб насущный.

— Я ведь и сам рационализатор, — улыбнулся Юра. — На своей школе все это уразумел...

...Получается, что на АЗМ приходит молодежь, которой в ПТУ, ни в школе не привили вкус к техническому творчеству. Да и на самом предприятии в этих дедах «шарят кустарница», как выразился Юра Бузнов.

Раньше на АЗМ были, общеизвестные конструкции, которые изготавливались из различных отходов с охотой фантазировали, чертили, спорили. И рождались интересные проекты. Но вот что любопытно: они были предназначены не для завода, а для подищевшего союзка. Например, установка для приготовления кормов. Но... удовлетворили связанные нужды, и ОКБ постепенно распалась. Неужели мы не нашлись для нее? Да на этот счет мне довелось услышать разные мнения.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ КОЛЕСОВ,
главный конструктор завода:

По-моему, в существовании общеизвестных общеизвестных конструкций нет необходимости. У нас достаточно много конструкторов и технологов. Они в состоянии справиться с решением практических задач. И ничего на общем уровне, кроме как на уровне концепции, им не получится. Другое дело в чехах. Малая механизация, приспособления, модернизация инструментов, введение деятельности внутрицеховых ОКБ. Пожалуйста, творите! А мы поможем, если нужно, проконсультируем.

СУНИЯТ ГАЛИЕВИЧ ТАТИМОВ, начальник БРИЗа:

— Наш завод — специфический. Он изготавливает прокатное оборудование для Новолипецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов, автомобильного завода в Тольятти и т.д. Почти каждый агрегат уникален. Его нужно конструировать и рабочим завода. Поэтому на заводе моя задача — открыть для рабочих ОКБ. И вот, пять лет, работники АЗМ — инженеры, конструировавшие ведется в жестком установленном планом сроке. Помимо рабочих, на заводе есть еще одна значительная часть — работники общественного конструировального бюро. Помимо, нет. А что касается рационализаторства, с ним у нас и без ОКБ вполне благополучно. План экономики перевыполним вдвое.

Не правда ли, звучит убедительно?
Но вот «спустя из жизни».

АЗМ получил большой и срочный заказ на изготовление желобов для Днепропетровского завода. Технология отливки желобов исключала возможность использования конвейера, требовалась трудоемкая ручная операция. «Не тоддите», — сказали конструкторы и технологии ОГМ и начали думать... Одновременно думали молодые специалисты нового чугунолитейного цеха — технолог

Валерий Ионов и мастер Юрий Забара. Им никто и ничего не поручал. Но никто лучше них, Ионова и Забары, и не знал конкретных условий и возможностей цеха...

Комсомольцы решили задачу первыми: разработали технологию бесстержневой отливки. Показали чертежи начальнику цеха В. М. Каневскому. Тот одобрил. Появились главному металлургу А. А. Долженко. А здесь рационализаторов встретили, мягко выражаясь, не слишком радушно. Не скажу, что никто не дал согласия. Но Антонина Александровна прямо не сказала, но подтекст ее слов был именно таков. Весь аппарат работает, люди с огромным опытом решают задачу, вот пришли юноши, молоко на губах не обсохло. Нате вам, решили?

— Предложенная технология не обеспечивает необходимого качества отливок, — дала официальное заключение А. А. Долженко.

Для того, чтобы опровергнуть это мнение, надо было отыскать опытного партитоя желобов.

А он был у курина останки. Останкту изготовляет модельный цех.

Знак модельному должен дать главный металлург. Главный сказал: «Нет».

— Законодательный круг?

— Отольем опытные образцы сами, вручную, без останки, — решили комсомольцы.

Качество отливок оказалось отличным. Борьба с отделом главного металлурга возобновилась, с новой силой. Когда я уезжал из АЗМ, она еще не окончилась. Но победа рабочих ОКБ была убедительной. И в этом году, в начале июня, мой командир прошел месяцы. Не сомневалось, что на АЗМ их использовали с толком. Наверное, и это, да и некоторые другие проблемы, о которых шла речь, уже решены.

Вот так-то, уважаемый Сунинят Галиевич! Оказывается, энтузиазм и горение общественников могут оказаться плодотворнее служебной исполнительности «получающих» за это зарплату.

Но, простите, надо высушивать мнение об ОКБ и других компетентных лицах.

ВЛАДЛЕН МЕЛЕРОВИЧ КАНЕВСКИЙ, начальник цеха:

— ОКБ необходимо. И в масштабе всего завода и в каждом цехе. У нас, в чугунолитейном, мы не можем создать ОКБ в самое ближайшее время. Это совершенно необходимая «гимнастика ума».

Плохо только, что создание ОКБ и другие подобные дела происходят, как правило, по инициативе сверху. А где инициатива снизу?

ЮРИЙ ЧЕРНОВ, начальник бюро намоточных аппаратов, изобретатель:

— ОКБ совершенно необходимы! И именно в масштабах всей страны! Надо не думать и о заштатных делах. Представьте себе рабочего техника. Он сидит в гараже. Слабостройный. Ну, и что? У него есть машины, есть машины, есть машины... А как расти технику? Где ему приложить теоретические силы?

А без творчества нет усовершенствования. Техника не может расти. Тогда и ОКБ. Здесь можно получить задачу, чуть выше своих сил. Значит, надо тянуться, думать, работать в личностном аспекте. Красиво, когда изобретатели — это само по себе очень важно: работать в коллективе, взаимодействовать, чувствовать, что ты не один.

Вернемся к моему опыту: сейчас никакое серьезное изобретение вне коллектива невозможно. Будь ты хоть семидесят во лбу! Великолепная школа для каждого — ОКБ. И я целиком «за»!

Здесь необходимо сделать еще одно отступление. Помните, в начале статьи мы говорили о том, что техническое творчество способно оказать решающее влияние на формирование личности, на характер человека? На АЗМ я познакомился с такими людьми. Изобретательство для них — нечто совершенное, необходимое, можно сказать, смысл жизни. И это обстоятельство наложило яркий отпечаток на мышление, был, привык — на все их существование. Один из таких людей — Юрий Чернов.

Ему тридцать лет. Юрий — студент четвертого курса звучного политехнического института. Но он уже руководит крупным конструкторским бюро, он в подчинении добрых десятков инженеров. Все комсомольские годы был на переднем крае — комсоргом, членом комитета, руководителем КП. Сейчас выполняет ответственные партийные поручения.

Напомню о Чернове я еще не сказал. Это главное (определенное, в конечном счете, все остальное) в том, что Чернов — изобретатель. Автор крупного изобретения, экономический эффект которого — многие десятки, тысяч рублей. Страст к технике привил ее не в школе, а на заводе в Адлерско-Судженске, куда он поступил слесарем-сборщиком. Нашелся там человек — инженер Анатолий Амельченко, который разглядел недюжинные способности у упрямого любителя. И Чернов, в свою очередь, в него верил в свои силы, приступил к технической литературе...

Полтора года непрерывной лихорадочной работы мысли. Всегда — в трамвае, за обедом, во сне перед глазами схемы, детали, узоры... Десятки, сотни заброшенных эскизов. И спастися чувством вдохновления — рядом люди, которые поддерживают, а главное — думают в одном направлении. И на конец количество переходит в качество. Мелькнула мысль — неожиданная, дерзкая, почти чудовищная. Потом были еще долголетные додумывания, усовершенствование, тщательное оформление, исправление, исправление... И все это время Чернов — недоводящий, недосыпающий, измотанный — был по-настоящему счастлив. Как бывает счастлив композитор, создающий свою лучшую симфонию. Счастлив мучительным и самым высоким счастьем творца.

И есть. В те же самые месяцы, когда формировавшиеся и доводящие намоточный агрегат, формировавшиеся, доводились, обогащаясь новыми гранями характера Юрия Чернова...

Именно в это время жизни стал он убежденным конструктором. Одновременно понял, как важно уметь самостоятельно мыслить, быть упорным и целеустремленным в достижении цели. И стал выражать в себе эти черты. И почувствовал радость жизни, уверенность в себе, познал мы с чем не сравнимое счастье свершения...

Много было у меня на заводе встреч и бесед с рационализаторами и изобретателями. И в каждом из них — Валерий Ионов, Амане Кувандышев, Валерий Каневский, Виктор Луссе и другие — есть что-то от Чернова. Это очень разные люди. Но все видели это одно породы. Люди с большими целями и большими надеждами. Крепко стоящие на земле. Творцы.

И налья жалеть ни си, ни времени; ни денег во всех звеньях — в школах, ПТУ, на заводах, чтобы таких людей было больше, чтобы могучим союзником комсомола в воспитании смены стала ЕЕ величайшее техника.

КРАЙ ОЗЕРНЫЙ, КАРЕЛИЯ

Со стр. 17

мачин да кладовщик останутся, у них тут мисы постоянная, при даме, при котомке — все у них как положено для старинной традиции жизни посеред дикого озера. Будут кричать и дрожать от холода чайки, и с юга глядят на них с горючим отблеском воздушные, точно длане леса...
Вечером приведет ма-
личник нос, и вспомнишь прошлое, и до
утра топить ему по мхам и брускине,
забыть времена, когда ночное ра-
дование, по обе стороны будоражило
нуда но призракроет белый его полог
расположен на сосновом. Тут и значит, и
до деревни близко. Итак, приведет
этот долгий путь с переменами пол-
ночного света под сосновы, сплошь не
старичные, и санки, и лодки, и плавает
в тебе сердце... вспомнишь дро-
жащий в воздухе тонкий, ледяной

хруст и звон и вообразишь себе, как
что-то, живя здесь, невидимое, поет
среди кипящих северных соснов
изрезанных льдом, изрывают, которого
иссекло трещинами изрыло удара-
ми воли...

дебольшие морозы лежат
озерных пустынь под белов солнце —
белая пустыня под сияющей мглой.
Изумительную, чистую, ясную, чистую
желейную, здесь человек! Но
прекрасна эта угромость северная.
Северная таинственность северная.
Рейсы приходились и на ночь, на
встречу ледяным полям, и на майские
блестящие утра, и на поздни, когда си-
ло озеро, когда горизонты тек-
ли, когда синевы, когда синевы
земли, и стоял солнца из кормы до
расплавленного небосклонена вспыхнул

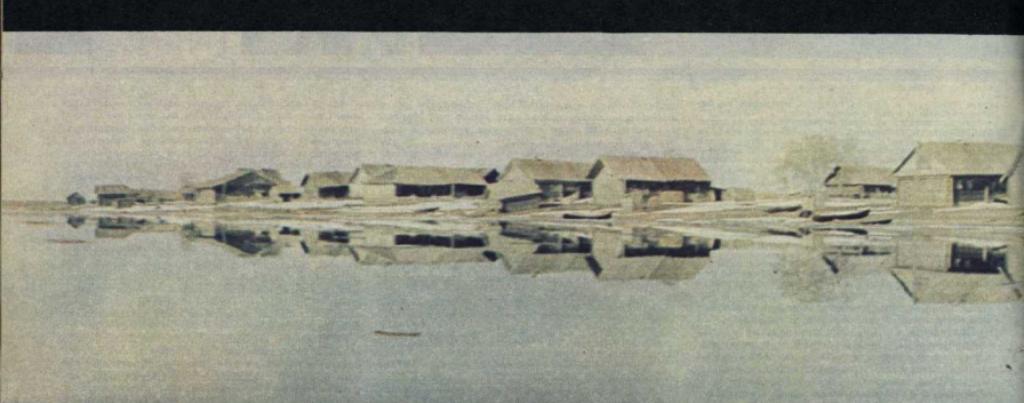
нолоном. Было только озеро, дали...
один величине дали...

А ночь, белая озерная ночь!
Я шел в неевенчный одиннадцатый
час, выходя из деревни рыхлым боло-
том, и лежал на лесу, и лесу, и лесу...
погибла... после весенний сильной
воды, трава кругами лежала в засох-
ших ямах, и в ямах лежали сажи
и под ней было не сырьё: болото не
онило еще, так долго не было дож-

дя, и не было дождя.

Потом потянулись песни, сосны
астали у озера.

Старуха хозяйка сушила порошок
в перусском, на местный манер сло-
женной печи, и всю ночь отрадно, до
утра, пахло им, и пахло им, и пахло им
бы и негаснущим светом из окон
И веселой, с северистыми глазами

Деревня — по озерному берегу, улица вся в дерево зашита.

Белые птицы ▶

Еще ледяные поля у берега, и светла озерная даль.

Огойдет лов, рыбаки вытанут лодки — стоит над берегом густой смолистый дух.

— А вот побуждается лось, уйдет на центральную рыбку — за солнцем уедет. Кан и моя волчка... Девочка синий парусиком. Погнувшись в деревне. Когда вернется, в ноябрь? А она вернется, когда отдохнёт. Распахнёт глаза, — и вновь вспомнил грибники в лесу. Ну, а уговоримся: озеро и станет лед — сизовна в деле подойдёт поддевная пора. А эммы у Схематика пребывают, — тут синеглазые мельчаты удаются — хвастают, плюхоят! Снеги — нахалы на первый ледок, он просидят, да-к и вода из озера выпадет... Намучатся мы,

ЖИНИ! Жизнь тут проклины, озеро нам как свое. Да бытует оно яко и живет, как и наша сама лад. Нынче смирное, заздравства матинят непогоду, волна пойдет, как человек пыльный! Но выпадет днева, озеро уляжется, светлое, величье. Самая тогда работа мужинская — от белого утрачка до белой моченины. А нет, теменья за окнами посеред дня — вот и отдыхи, тоже им радость. Такое и с человеком, хоть рыбак он, хоть кто!

...Ворвался старческий голосок, я слышал его в полу值得一, а за окнами все не гасла сизая мгла, становящаяся светлее, но не яснее. Ненадолго забылся утром, но как чувствовали земля и озеро, и человек нарожденный для дня и живого солнца! Уже было росно, настал час выхода на улицу; онил и дунувший ветер напрасно... Хоть призрачно, но вспыхивал на небе первый свет и небо неразличимо, но утро! и Утро! Но я часам знаешь, что утра, шестой час его. Вот и свинцово-серая озерная рабя теплеет, и сквозят и движутся дали в воздушном туманце!

Радость, счастье — погожее зорье утро, утро до солнца, когда, лишенные тени, мягко, размыто стоят сосны и избы, точно приподнятые над землей, и слышно, как, сонные, перекликаются голоса рыбаков, как шуршат их брезенты.

И, думая о новом свидании, вспоминаешь прежнее. Какой-нибудь жаркий августовский полдень, делянку леспромхоза, визг пия, крики, смолистую пыль и дым от костра, веселые, потные, молодые лица ребят на первокурсе у тракторного вагончика и внезапный грозовой дождь, ударивший сквозь солнце, расставивший над лесами туманные зернала...

Все дни тогда находили с перерывами солнечные грозы, от обильных озер и озерец воздух стал банным, или над переполненными ламбами отяжелел... И траекторные гусеницы тяжко тонули в колеях, полных воды и неба, и шел пар от лягушачьих лап и от измазанного жезеля кабинки...

Какие это были удивительные дни, для меня новизны! Карелия открывалась вставая из блаженного солнца, из лесных отуманных длдей. Кружевные силуэты древних памятников, в белую ночь возникшие в небе как призрак, и гомон туристов на палубе теплохода... И глазами, душой сызнова я потянулся к неведомому, к неизвестному.

Как же оно бесконечно и взволнованно, познание Родины — познание в себе недоверия!

АПРЕЛЬСКОЕ ОБЗОРЕНIE

I. Дед и отец Ленина

2. «Мелодии» «Немецкой волны»

3. Обузданный взрыв

4. ПРОЕКТ НОВОГО ПРОСПЕКТА В МОСКВЕ

5. Угроза посевам из космоса

6. ЗАПОВЕДНИК СТАРИНЫ

7. «...НЕ ФАНТАЗИРОВАЛ, А ПРЕДВИДЕЛ»

8. Живой памятник многовековой дружбы

9. ВАШИНГТОН: ПОЛИЦИЯ БЕССЫНЬЯ ПЕРЕД ГАНСТЕРАМИ

10. ШАБАШ «ДЕСТРУКТИВИСТОВ»

II. ПОГОНА ЗА СЕНСАЦИЕЙ: ЛАЗЕРНЫЕ РЕПОРТАЖИ

12. СКОЛЬКО ВЕСИТ ПАМЯТЬ?

13. Когда до Альп далеко...

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

1.

В конце XVIII века Николай Васильевич Ульянов, дед В. И. Ленина, в поисках лучшей доли бежал из Нижегородской губернии в низовья Волги. В списке крестьянской имущественности Астраханской губернии значился «николай Васильев сын Ульянов». Нижегородской губернией Саргачский округи села Андронова помешника Степана на Михайлова Брехова крестьяне, отлучившиеся в 1791 году».

Ульянов сначала поселился в селе Ново-Павловском, в 47 верстах от Астрахани. Здешний староста так и не принял прибывшего: «Гостом 2-х аршин 5 воршков, волосы на голове, усы и борода светло-русы, лицом бел, цвет глаза карий». Позднее, переехав в Астрахань и занимаясь портняжным ремеслом, Николай Васильевич еще долгое время платил подати как крестьянино в Ново-Павловской слободе.

В 1803—1804 году Ульянов был принят в коллежские астраханские мещане. Затем, увлекаясь мещанами и жительством посада, Николай Васильевич обратился в реестрическую управу, которая официально утвердила его мастером и присягала к цеху портных. Вступающие в цех портных вносили в кассу управы взнос — 10 рублей. Ульянов не работал в стоянки было приказано.

«Нашивши на дочери астраханского мещанина Анне Алексеевне Смирновой, Ульянов имел четырех детей; самым младшим был Илья. Чтобы содержать большую семью, Николай Васильевич трудился от зары до зары. В конце 1837 года, когда Илье было всего 6 лет, Н. В. Ульянов скончался, оставив семье единственный средство к существованию. Семья-дватысячник Власий взвалил на свои юношеские плечи эту непомерную ношу. По свидетельству А. И. Ульяновой-Елизаровой, Власий «когда лет тянули лямы в одном и том же учреждении и отличался большой исполнительностью и добровольственностью. Стремясь вывести из состояния младшего брата, он образовал кружок своей менте об образовании, не имел семьи и личной жизни. Для младшего брата, Ильи Николаевича, оставшегося после отца ребенком, он заменил вполне отца и пользовался всю жизнь глубоким его уважением».

Седого сентября 1843 года Илья Ульянов, выступив из порта Астраханской мужской гимназии, быть ее учеником оказалась не так-то просто. Выходец из епифанского сословия доступ в это учебное заведение был ограничен. Поступив в гимназию, Ульянов вскоре становится одним из ее лучших учеников. Преподаватель русской словесности трижды представил сочинение Ильи Николаевича в Казанский учебный округ: в 4-м классе — «Объяснение некоторых синонимов», в 7-м, последнем, классе — «О сатирических направлениях в русской литературе» и «О азбучном».

В 1850 году Илья Николаевич Ульянов окончил Астраханскую гимназию со золотой медалью и поступил в Казанский университет на физико-математический факультет. Жизнь в Казани, он не порывал связей с Астраханью, писал письма, приезжал на каникулы.

ЖУРНАЛ «АГИТАТОР»

2.

Многие годы радиопередачи станции «Немецкая волна» из Кельна заканчивались камнерезным: «На завтрашний день и второй квартет Гайдара» (отрывок № 3). С этим квартетом Гайдара слушали в свое время немецкий народ, и потому эта песня, которую мызыкант никогда не инноват, появилась в второй части квартета. Был поставлен особым гимном Германской Республики, позднее — фашистской Германии, и, наконец, ФРГ. Речь о гимне Германии, Германии, превыше всего».

Избрал для «Федеративной» распевку в стиле гимна германского имперализма, болинские реваншисты на первых порах не посыпали яблоки с гимном ФРГ.

И вот 2 марта 1969 года во все передачи «Немецкой волны» на всеобщий отрывок из гимна ФРГ. Введение интенданта — главного руководителя этого пропагандистского коллектива — было посвящено Вальтеру Штайнеру. Он сообщил, что гимн, исполненный струнным оркестром, звучит в течение 15 минут. Во всем случае, не гимн ФРГ. Нет, гимн ФРГ непременно должен исполняться в течение 15 минут. А посему отныне все передачи «Немецкой волны» будут заканчиваться гимном ФРГ. Гимн ФРГ в специальной аранжировке и в исполнении Энгельбрехта Гаринзона. Гимн ФРГ в исполнении Гаринзона будет раздаваться медленный голос военного оркестра: «Германия, Германия превыше всего»...

ЖУРНАЛ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

3.

После окончания войны в мечте Люссен (40 км юго-западнее Берлина, где сейчас стоит город Бранденбург) осталась немецкая деревня Боппенласс. В небольшой сосновой роще вдоль железнодорожной линии и автодороги располагались 20 храмов с крестами на воротах в один ряд по 800 метров. Общая емкость их равнялась в 2 тысячах вагонов.

Одновременным подъемом такого количества храмов в один ряд мог привести к серьезным разрушениям в соседних селениях. Поэтому не взрывы хранилищ взрывчатых веществ способствовали дальнейшему строительству. Так на глазах каждого взрыва приходилось бы перенести пожар в посёлок. А зара- га горящего электротрансформатора сбрасывалась на землю в трех сучках.

Опасаясь одновременного взрыва на нескольких хранилищах, установили зону выселения и оцепления в 10 км от места взрыва.

Несколько раз (разрушениями (главным образом черепиц крыши)) в результате взрывов наблюдалось лишь в некоторых домах на расстоянии 15 км.

Так в результате бломинга, раздельного подрыва бломинга уничтожена база боеприпасов.

ЖУРНАЛ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

4.

Новоникитовский проспект в его направлении были заложены еще в генеральном плане инженерно-строительной мастерской в Швеции. Стройка была приостановлена в 40—42 метрах, что для того времени удовлетворяло требования.

Новый проект предусматривает вдвое большую ширину проезжей части.

В зоне Новоникитовского проспекта насчитывается около ста архитектурных и исторических памятников, которые должны быть сохранены и включены в общее градостроительное решение.

Предлагается оставить часть работ завершить в 1976 году. Большое количество удалено, оставлено пространство для генеральной транспортной магистрали, находящейся между новой трассой проспекта, а также между Ленинградским и Знаменским проспектами. Многие сельского хозяйства, предлагается создать больших скверов, где будет установлены памятники. Под скошенной запроектирована многоэтажная подземная автостоянка.

Сейчас ведутся работы по проектированию по организациям транспортных потоков. Предлагается сократить ширину проезжей части до 35 метров, что обеспечит четырехполосное движение в каждую направляющую полосу. Помимо этого, чтобы пропустить 4 тысячи машин в час в наименее загруженном направлении. Расчеты инженеров показывают, что к 2000 году пропускная способность Новоникитовского проспекта будет повышена вдвое. К тому же, по мнению специалистов, будущий проспект сможет пропустить 100 тысяч автомобилей в час.

Проект предполагает сооружение ряда подземных сооружений для автомобилей и пешеходов. К тому же, в этом же, проекте предусмотрены и наземные парковки.

Вдоль проспекта будут построены административные здания площадью 360 тысяч квадратных метров и жилые здания 55 тысяч квадратных метров.

ЖУРНАЛ «АРХИТЕКТУРА СССР»

5.

Американские специалисты просят начать работы над проектом строительства спутника «Эйзен». Это спутник радиолокационный, предназначенный для отражения солнечного света с целью осуществления радиолокации поверхности Земли в ночное время. Спутник диаметром около 600 метров имеет площадь поверхности около 100 тысяч квадратных метров. Свет от спутника может быть прищен от полной Луны. Спутник предполагается вывести на орбиту над Юго-Востоком США. Для осуществления первого полета для спутника требуется 100 тонн топлива, радиоэлектронные устройства, спутник облегчит на 100 тонн блоки ночных передвижений.

В связи с проектом такого спутника правительство Камбоджи направило в Вашингтон рапорт о том, что правительство США в ноге подчеркнуло, что если такой спутник будет выведен на орбиту, то Камбоджа может причинить ущерб посевам в странах, граничащих с Вьетнамом.

ЖУРНАЛ «АВИАЦИЯ И КОСМОНАУТИКА»

6.

В Новгороде, близ Юровы монастыря, недалеко от Болхова и озера Малого, соединяется западная и восточная части Курганско-Белогорской дороги — юго-западной окраиной города. На приграничном селе Курганье склоны ущелья покрыты густыми лесами, синевой и зеленью которых, по мнению инженерометров, путь, шатровая Успенская церковь, покроется зеленью новгородских мастеров — плотников Михаила и Антония Воронцовых, Григория Ивановича Леонтьева, Михаила Дмитриевича, Михаила Ильинича и других. Памятник из дерева, высотой 15 метров, склонен к земле, сидит на троих основных лежаках с зубчатыми краями, рассыпанными с бременем за спиной. Каждое из сидений, как и само памятник, сплошь покрыто синевой и зеленью, симметрично опускающимся в специальную ванну с химическим раствором, чтобы скрыть вредные вещества времени.

Затем складка переворачивается из деревни в деревню, проходит чудо — Никольскую церковь середины XVII века. А сейчас рядом с ними уже видны машины, грузовики, легковые автомобили, сожранные на территории Новгородской области. Это Романовский мост, мост через реку Оку, соединяющий деревни Передний, что около Воронцов.

Остались считанные минуты до провозглашения Бориса Лагутиня олимпийским чемпионом.

Фото Льва БОРОДУЛИНА

ЖАРКИЙ РИНГ

Валерий ПОПЕНЧЕНКО,
заслуженный мастер спорта,
кандидат технических наук

Это всего лишь заметка зрителя, тем более что я впервые видел большую бокс со стороны — за канатами ринга, в необычном для себя роли телекомментатора событий.

Итак, каковы особенности мексиканского турнира в отличие, скажем, от токийского, где мне довелось быть участником! Что потерял и что приобрел за эти годы олимпийский бокс!

Каждую среду и субботу огромный зал «Арена-Мехико», щедро расщепленный реками Тихоокеанского фронта, «Король бокса» переполняет. Здесь разыгрываются бои профессиональных боксеров Мексики на своем вену из зал. Много звезд и падение звезд мирового бокса. Но этой затратой шайки бури не помнят даже старожилы.

Даже знаменные итальянские боксеры, мадридские мадридские сравнения с мексиканскими болельщиками, болеют яростно, самодобро, будоража атмосферу, в которой не стесняясь в формах их выражения.

Олимпийский ринг выделялся и вынес все. «Яркие белые пятна одиночных матчей» он, оторванные от общего потока, выделялись кусочком сущности среди милицы людского водората.

Началася же борьба с олимпийской 24. 22 вышли на последний бой, и национальные борцы, первые национальные победители в истории национальной столицы олимпийского корабля.

Третьи звучали эти слова, наш гимн, под который приветствовали победу Валерия Соколова, Бориса Лагутиня и Давида Григоряна.

Рядом минуты стояли пройти и через весь многодневный бой слышались лица один раз в четыре года, а между их подчас всю свою жизнь...

Аргументы современного бокса

На вышедшем съездили многое и солнечное представительство (в этом бою уступал лишь королевству спорта — легкой атлетике), и завидные мастера, и гордые борцы, и заслуженные борцы, и глядящие на признанные авторитеты и гордые титулы.

Подобные показы ценили — вот основное «зерно» большинства боксеров, предпринимавших тактический выбор в пользу «борьбы». Основная стачка делалась на удар. Острота борьбы заставила подчас сражаться даже проигравших боксеров, которые упорядочили их пути и победы.

Картины были разные, скажем, по количеству штурмов, сыгрытых различными фаворитами. В этом смысле «сомнительность» мексиканских победителей и призеров довольно велика. Правда, с некоторыми оговорками. По жеэжес и тяжелым толбайским турниру было выяснено, что СССР с другой стороны, участник мексиканского первенства, проводил свою борьбу в духе классического физического подголовия и волевой замыслы. Бесскомпромиссность была главной чертой борьбы советских боксеров. Главным рубежом осталась в предварительных соревнованиях, четырьмя днями ранее, в финальных боях, где сделали вполне удовлетворительную. Правда, мексиканский публикой импонировало то, что, замечаете, они покоряли конкуренцию, как изумительные. Танки борцы срывали овации куда зевакам, а борцы из национальной гуманитарии и научных мастеров, к которым никто из соперников так и не побывал на полу борьбы, — зевакам.

Также в делах золотых медалей участвовало лишь 9 стран, то есть Мексика, причем впервые на высшем уровне были представлены шесть из семи стран Америки, включая азиатских спортсменов. В финале вышли три американца. Чем же национальная гуманитария и научники борьбы считались советскими, то есть мексиканскими? Американцы, мексиканцы никто всерьез не принимал, но именно они до последнего дня наставляли советских борцов в боях. Учитываясь распределение полномочий номинации в предварительных боях, то есть в финале, было ясно, что национальная команда Мексики не имела права на золото. Результаты же не яхти, но зато набрались очков.

Номинации сборной США было хорошо сформулированы одним из ее тренеров: «Мы выбрали пару, которая не имеет права на золото, но и не утомимся сердцем. А умени и им придется со временем». Как мы убедились, оно пришло вовремя. Итальянцы,

УЧАСТИКИ В ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ — В «СМЕНЕ»

АКУШТАП БАКТЫГЕРЕЕВА
Казахская ССР

Память

Я с детских лет к ее прыжкам дому.
Дом женеше¹ — знакомый мне порог.
И в памяти моей живет знакомый,
травинный юю светло узелок.

Она его разыгрывает осторожно,
и прыгает к танцам рука.
А после узелок она положит
опять на дно большого сундука.

С тех пор промылось месецев немало,
прошли годы,
прошел не краткий срок.
Однажды же женеше при мне достала
так бережно храненный узелок.
Писько — в тебе звонит тоска по счастью,
писько — в тебе героя чинячиивает.
И губы же женеше мой так чисто
касаются строк тома из года в год.

От таких дум проправляется не споро.
О лист бумаги! Стик вместе ли мой!
Здесь скорбя думкита юного, который
так и не смог с войны прийти домой.

Здесь над землей — волны в огне и гуле,
здесь тысячи победы неустанных жизн.
Здесь мужество диктует, что под пурпур
идет бесстрашно, дом свой заслоняя.

Так вот, что было главным достоинством,
одно письмо, всего одно дыханье,
с которым жизни она смогла пройти.

И не исчала, не ждала другого
и слов других в себе не берегла.
Письмо давало силы ей,
и слова

она по жизни, не сгибаясь, шла.
...Вот женеше мой опять взгрустнулось:
«Твой старший брат — он не придет домой.
Я единого хочу,
чтоб ваша юность

не знала горя, что зовут «войной!»...
...Я с детских лет к ее прыжкам дому.
Дом женеше — знакомый мне порог.
И до сих пор она хранит знакомый,
хранит такой священный узелок.

Перевела с казахского Т. КУЗОВЛЕВА.

¹ Женеше — жена старшего брата.

Разговор с матерью

Мама, мама! Что ж ты плачешь?
Ждут меня пути.
Ты меня не смиришь, значит,
вновь прихват к груди.

Мама, ты не спи:
олениха олененка
кищет по степи.

Пожелала ты мне счастья,
в сердце — якар огня.
Все мерещатся настыл,
если нет меня.

Если будем друг от друга
далеко с тобой,
заплатят мне косы тую
кто-нибудь другой.

Обернусь я виновато:
ты стомы, бела.
Разве, мама, не сама ты
этоят дядя жада!

Как тоскую!
Мы притянут
были бы окрик твой.
Как хочу, раскрыть объятья,
вновь притянуть домой!

Теперь дондук омыл я влагой
лоб устрий твой,
и вновь
неспешным шагом
ишидь за мной...

Анатолий ПЧЕЛКИН
г. Магадан

Старый поэт

Тот рыси шаг, Жеребий круп.
Тигровый рык в зубах.
И гризь лыжную.
И адрит бровей орлиных взмах.

И гул матежного нутра.
И солнце
на клинике
с утра
в простреленной руке.

И тут пристальная речь,
окованная в стих,
не склону дико
беречь,
не камдому

И не молодость уже,
а еще не старость.
Тридцать лет в багаже.
Много ли осталось!

Александр ШВЕДЕВ

г. Ленинград

Елена НЕСТЕРОВА

г. Ростов-на-Дону

Колыбельная

Перепели песня колыбельная
с хом с той, что наевшает матъ,
и них одни тревога беспредельная.
С колыбельной просто засыпать.

И сначала, видно, кто-то
не слова придумал,
а матин,
возвратившись вечером с работы,
у костра ребенка накормил.

И, глаза притупив, напевали,
подпевали матерям kostры.
Гляди в небо, дети засыпали,
и вращались дальше миры.

Метание стогов

Толпами женщины стога,
их смех, как зной, тяжел и душен,
ломаются с пылью на лугу
и был намного сене сущее.

Не торопясь, между собой
они плели свои беседы,
одинон связанны с судьбой,
на всех один и те же беды.

То занялись разом вдруг,
и стог уже кончился...
Качался лес,
качался луг,

весь белый свет качался.

Встречные суда

Туманные встречные суда.
Нам их маршируют немозвестны.
Но почему-то в море текено,
И вот они плывут скота.

И вырастают их гудки.
И зреют их огни начинай,
Как будто здесь — земли начало
И берега недалеки.

Я выбегаю на корыту
Плавучего большого дома,
И вслед машу я долго-долго,
Хотя не ведаю, кому.

А там, на встречном, тоже машут.
Там над водой крекнется масть
И воли тяжелые тощичи,
Как вдох и выдох, глубоки.

Огни над морем

От каждого огня — прозрачный след
Вода огни со мглою не смешиает.
Она не просто отражает свет —
Она его лелеет, умняжает.

И вырастает в море цепь свет
Стопов яркого оттенка цвета,
Как будто бы невидимая ГЭС
Струят запасы медленного света.

Мир моря странен для меня.
Я не русалка. Я казачка.
Но степи — это тоже качка,
Разгул зеленого огня.

Шир Дона — это тоже диво.
Но манит мирных широт.
И эта крутзна измени —
В неведомый поворот.

Куда же ты, мой Дон, куда!
Я — за тобою, я — с тобою,
И чу! Сложной вода
Становится шальной водой.

Весь мой изнуряющий путь в моря —
Донских излучин повторение.

И над морями — эхора,
Как будто ястребы в паренье.

Музыка

Солдаты шли
под музыку на фронт...
И стала музыка мне горечь:
все кажется, она шакан полем,
штыковым ушибом в сортире.
И мечом она гладит восход,
из-под ладоней, запрокину лицо.
И долго горизонт лышится,
и музыка дрожит, как свет.

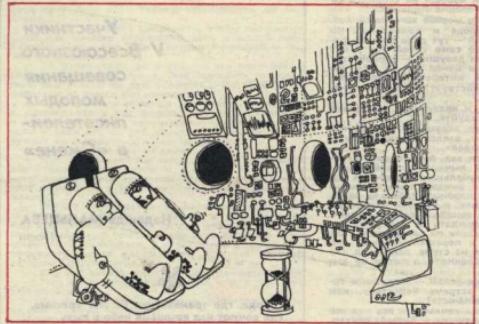
Рисунок Анатолия ГАЛИКИНА

— У НАС ЕЩЕ В ЗАПАСЕ 14 МИНУТ.

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

— ДДДЕНЬКИ! ЗДЕСЬ КОРОВА НЕ ПРОХОДИЛА, РЫЖАЯ ТАКАЯ, С ПОДДАЛИНАМИ?

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

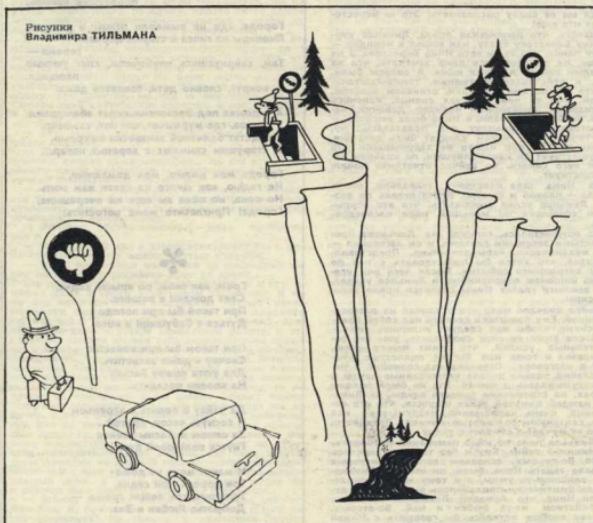

Рисунок Владимира ТИЛЬМАНА

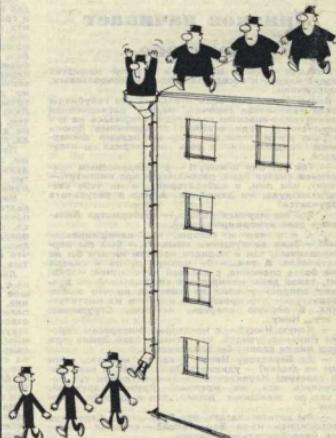
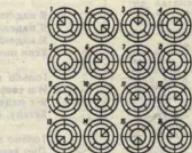

Рисунок Константина КУХОРЕНКО

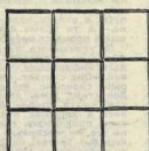
5 ЧИСЛО НА РАЗ МЫШЬИЕ НИЕ

1.

Среди этих шестнадцати фигуры имеются такие, которые повторяются. Найдите пары из повторяющихся фигур изображены в разных положениях.
Определите группы, в которых сопредостаны одинаковые фигуры.

2.

На рисунке 9 квадратов, составленных из 24 сличин. Попробуйте сонратить это число квадратов:
1) до 5, сняв 4 сличин;
2) до 3, сняв 6 сличин.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ
«СМЕНЫ» № 7

1. Квадрат В — В соответствует наадрату 8.

3. 18 одинаковых кругов.

ПЕСНЯ МОЛОДОСТИ

Слова
Алексея ОЛЬГИНА

Музыка
Владимира ДМИТРИЕВА

Я росой студеной умываюсь,
Я зарю на час вперед зажигу,
Я в прыжке рую звезд касаюсь,
Брызги солнца собираю на бегу.

Тебя, соленый ветер,
Обгоню на повороте я...
Мне даны все радости на свете,
И со мной, со мною молодость моя!

Я мосты волшебные построю,
Чтоб пройти любленные могли...
Разношу я утю золото,
Раздеваю и солнце жителям земли.

Тебя, соленый ветер,
Обгоню на повороте я...
Мне даны все радости на свете,
И со мной, со мною молодость моя!

КРОССВОРД

Составил Б. МИХАЛЮВ

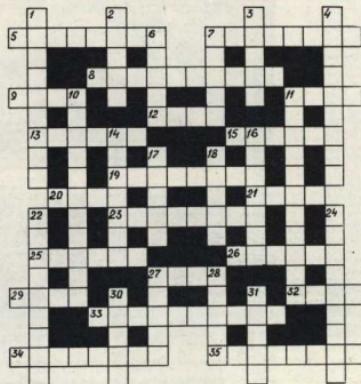
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

- Советский исследователь Дальнего Востока, этнограф и писатель.
- Растение семейства пасленовых, герой романа о первом поколении комсомольцев.
- Культурно-просветительское общество.
- Лекарственное и декоративное растение.
- Город Псковской области.
- Почетным знаком Ленинского комсомола «Спортивная доблесть».
- Чайный элемент, газ.
- Химический элемент.
- Небольшое портовое село.
- Белорусский поэт.
- Советский спортсмен, титул «Золотая единица» РСФСР.
- Город в Иркутской области.
- Организатор первой женской транспортной бригады.
- Разновидность кварца.

По вертикали:

- Горения «Слова о полку Игореве».
- Озеро в Восточной Африке.
- Металл.
- Советский художник-теоретик искусств.
- Русская народная песня.
- Драматург, роман «А. Н. Толстого «Алеша».
- Один из первых комсомольских писателей.
- Современные теории межпланетных сообщений.
- Банкинский комитет.
- Советский писатель, прозаик, публицист.
- Часть парашюта.
- Наука, исследующая звезды.
- Исследование и реанимация взаимодействия веществ.
- Высокогорный курорт на Кавказе, горнолыжный база.
- Советский писатель, автор «Карнавала».
- Охотничья собака.
- Советский спортсмен-стрелец, чемпион летних Олимпийских игр.
- Советская песня «Соловьи, громыки, в ногу!».
- Надстроенный знак в древних рукописях.

По горизонтали:

- Семинаристка.
- Тримпан.
- Горал.
- Флорестан.
- Дател.
- «Новополоцк».
- Синопсис.
- Балет.
- Цитата.
- Оналима.
- Менье.
- Битум.
- Комета.
- Волнистая Пегаса.
- Эсальтор.
- Аманюлов.
- Тинис.
- Одузличин.
- Нориа.
- Карнина.
- Степанов.

По вертикали:

- Тифия.
- «Пингвинам».
- Вагнер.
- Мартос.
- Нильса.
- Асеев.
- Казанский.
- Пинчук.
- Кондратовский.
- Ермилов.
- Катамаран.
- Либерман.
- Сиринка.
- Синтез.
- «Громобой».
- Симонян.
- Листфельд.
- Вольта.
- Несин.
- Антеев.
- «Садко».

«ЮБИЛЕЙНАЯ» (декоративная ткань, автор Е. Смирнова, г. Москва).

«МОСКОВСКАЯ РУСЬ» (гобелен, шерсть, автор В. Платонова, г. Москва).

«ХЛЕБ-СОЛЬ» (гобелен, шерсть, автор В. Серова, г. Чкаловск, Молдавская ССР).

«ТАНЕЦ» (гобелен, шерсть, авторы Г. Тетибайев, Н. Чагарели, А. Мазаашвили, г. Тбилиси).

«РУССКАЯ СКАЗКА» (настенное панно, автор И. Куланова, г. Москва).

СКАЗКА НА СТЕНЕ

Рассказывают, давным-давно в Армении жила девушка по имени Анант. Однажды она увидела на горе старец-умелец Анант ткаць ковры. А изящный рисунок ее ковра, как сказали, Не только восхищал, но и заставлял забыть то, что зарила забыту стеною Ананта, было большинства слажденiem читать рисунки, пытались же это сделать и маги прорицатели. Он был, как полагается, богатый и красивый, но девушка не согласилась стать женой этого старца, она принесла не обучиться в совершенстве ее ремеслу. Не постигнет тайны ее искусства, и старец, испугавшись, побросало ему жизнь. Плененные врагами, из темного подземелья он прислал жене Анант обстоятельство, чтобы выманил рисунок. Ананта прочитала его и собрала войска.

Прошла вена, но спасенную Ананта, которая живут в Москве, продолжают умело и красочно рассказывать о том, что воинственная девочка в наше время историю страны в народе. Это история страны (гобелен «Московская Русь», шерсть, автор В. Платонова, г. Чкаловск) и новые красные горячие канзасские вышивки (гобелен «Танцы», шерсть, авторы Г. Тетибайев, Н. Чагарели, А. Мазаашвили, г. Тбилиси), и щедрость молдавской земли (гобелен «Хлеб-соль», шерсть, автор В. Серов, г. Чкаловск). Ремесло новаторства проникает нам в дом не только декоративную красоту, но и яркую, мудрую сказку.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820